

ДОРИТ МЕДВЕД

ТЕНЕСВЕТ

ДОРОГА К НЕВЕДОМОМУ

Дорит Медвед
Тенесвет. Дорога к неведомому
Серия «ТенеСвет», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69900412
Тенесвет. Дорога к неведомому: Animedia Company; Прага; 2023
ISBN 978-80-7499-505-7*

Аннотация

Решающая битва выиграна, а между Лунарией и Сатандрой наступил долгожданный мир. Но всё это не радует Тару, у которой война забрала самых близких ей людей. Чтобы отвлечь любимую от невеселых мыслей, Люцифер дарит ей увлекательное морское путешествие на галеоне «Скарлетт».

Удастся ли путешественникам и путешественницам наконец открыть новые земли? Сумеют ли новые друзья удержать Тару в мире живых? Есть ли будущее у Королевы Света Тары и Властителя Тьмы Люцифера?

«Дорога к неведомому» – заключительная часть дилогии «ТенеСвет», дебютного романа молодой немецкой писательницы Дорит Медвед.

Содержание

Дорит Медвед	4
Глава 1	7
Глава 2	34
Глава 3	56
Глава 4	78
Глава 5	98
Глава 6	122
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Дорит Медвед
Тенесвет. Дорога к неведомому

ТЕНЕСВЕТ

ДОРОГА К НЕВЕДОМУ

Dorit Medved

SCHATTENLICHT. EINE REISE INS UNBEKANNTE

Перевод с немецкого: Михаил Медведь

Copyright © 2023 by Dorit Medved

© Михаил Медведь, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Animedia Company, 2023

Возрастное ограничение: 16+

Корректор: Мария Скворцова

Выпускающий редактор: Мария Илларионова

Глава 1

Был ласковый вечер. Солнце уже село, и уличные фонари мягким сиянием освещали город. Я перегнулась через перила узкого мостика; теплый ветерок трепал мои распущенные локоны. Река Веза, змеившаяся через портовый город, чернела внизу. Очередной порыв ветра чуть поколебал гладь воды; мелкие волны накатились на берег и разбились о каменную набережную. Позади меня раздался детский смех. Двое мальчишек, не старше восьми лет, пускали по реке бумажный кораблик.

Если не считать хлипкой старушки, кормившей сизых голубей, на мосту не было никого, кроме нас. Люцифер наклонился ко мне. На нем были темные брюки и рубаша с короткими рукавами, подчеркивавшая его стальные мускулы. Отражавшийся от воды свет масляных фонарей подрагивал на его лице, заставляя кожу светиться золотом.

– Тебе здесь нравится? – мягко спросил он.

– Конечно, – улыбнулась я, – но я все еще не понимаю, что мы здесь делаем. Мы ведь не просто отдыхать сюда при-

ехали, правда?

Чернильные глаза Люсифера загадочно вспыхнули.

– Это сюрприз, – прошептал он.

Должно быть, он произнес сегодня это слово не меньше пяти раз. Я фыркнула. Ненавижу сюрпризы!..

Сегодня ранним утром Люсифер ни с того ни с сего вдруг предложил нам на некоторое время поехать в Адрию, портовый город на северном побережье Сатандры. Он не сказал мне, надолго ли и зачем, и упомянул лишь, что к нам присоединятся еще и Леннокс с Астрой. Кроме того, он дал мне всего два часа на сборы, прежде чем карета заберет меня и тронется в путь.

Мы с Мадлен в спешке сложили в дорожный сундук мою одежду, достаточно золотых монет, несколько книг, оружие, немного провизии, а также рисунок, подаренный мне Леандером на восемнадцатилетие. Затем я с тяжелым сердцем попрощалась со своей камеристкой. В конце концов, я понятия не имела, как долго мне предстоит отсутствовать во дворце.

На всякий случай я уточнила у Тессы, разрешает ли она мне вообще отправиться в путешествие или же мне надлежит помочь ей в каких-либо политических делах. Сестра лишь отмахнулась от меня и заявила, что она мне не мать и что я могу делать все, что только в голову взбредет. Возможно, она просто хотела от меня избавиться или до сих пор чувствовала себя виноватой, потому что два месяца назад я передала ей право на трон, не прося и не ожидая ничего

взамен. Как бы то ни было, она меня отпустила.

Я еще успела попрощаться с Гретой, нашей поварихой, и Аннабель, моей любимой кобылой. Поскольку дорожный сундук верхом было никак не перевезти, мне пришлось оставить Аннабель на попечение надежного парнишки-конюха. Он хорошо о ней позаботится, в особенности теперь, когда слышал звяканье золота в моих карманах.

Наконец я села к друзьям в карету, и мы отправились в Сатандру. Поскольку в моем распоряжении имелась бумага за подписью самой королевы, мне был официально разрешен въезд в соседнюю страну. Люсиферу, Ленноксу и Астре также дозволялось в любое время посещать Лунарию. Тесса как раз работала над полной отменой глупого старого закона о закрытых границах.

Мы провели почти весь день в нещадно трясущейся на ухабах карете и прибыли в Адрию только под вечер. Леннокс и Астра, решив угостить нас пивом, исчезли в популярном трактире; мы с Люсифером ждали их снаружи.

– Если не хочешь рассказывать мне, что мы здесь делаем, то скажи хотя бы, когда все прояснится, – попросила я своего друга.

Люсифер, тихо рассмеявшись, выпрямился. Мне пришлось смотреть на него снизу вверх, потому что я была немного ниже него.

– А ты довольно любопытная, – поддразнил он меня.

– А ты довольно скрытный, – ответила я, пытаюсь казать-

ся рассерженной – что при виде Люсифера было довольно сложно. От одной его улыбки мои колени все еще дрожали.

Прежде чем он успел ответить, из трактира вышли Астра и Леннокс, неся по кружке пива в каждой руке. От желтоватого напитка с белой шапкой пены пахло плесенью, но он оказался весьма приятным на вкус.

– За что пьем? – спросила Астра. Ее коротко остриженные волосы за последние несколько месяцев немного отросли, так что теперь отдельные пряди ниспадали ей на глаза.

– За красивые улицы Адрии! – предложил Леннокс, и мы сдвинули кружки.

Адрия действительно была потрясающей. Она казалась полной противоположностью Тонде, столице Лунарии. Дома Тонды были выкрашены в пастельные тона и сверкали чистотой; здесь же дома в основном были выбеленными, с деревянными балками и скошенными крышами. Их двери выходили прямо на узкие тротуары, рядом с которыми по мощеным улочкам разъезжали запряженные лошадьми кареты.

Но настоящим сокровищем города были не дома с тротуарами и мощеными улочками, а населявшие его люди. В то время как в Тонде все были постоянно преисполнены сознанием своего долга и всецело преданы королеве, здешние жители, казалось, наслаждались жизнью по полной – и не обращали на нас с Люсифером особого внимания, несмотря на наши необычные глаза, а то и вовсе нас игнорировали. Впервые в жизни мне показалось, что я совершенно нор-

мальная горожанка, а не принцесса и не Королева Света.

Адриа была оживленной и днем – но по-настоящему, казалось, расцветала ближе к ночи. В ней отсутствовала деловая суета, знакомая мне по другим городам; нет, здесь люди просто развлекались. Кафе, таверны и гостиницы были переполнены, музыка доносилась почти из каждого здания, и повсюду горели свечи.

Тротуары тоже не пустовали. На них играли дети, флиртовали молодые люди, уличные музыканты оглашали окрестности своими песнями, а прочий народ либо посещал многочисленные пивные и таверны, либо с любопытством обзирал красочные витрины антикварных и модных магазинов, открытых до самой полуночи.

Мы пили пиво и болтали о том о сем. Сюрприз, который приготовил мне Люсифер, не обсуждался. Он строго запретил Астре и Ленноксу что-либо мне рассказывать, и поэтому мое любопытство только росло. Они не могли солгать мне, – благодаря своему дару я распознала бы любую неправду, – поэтому им приходилось на эту тему молчать.

Мои мысли блуждали. Я думала о своей обретенной недавно волшебной силе. Мне лгали меньше, чем я того ожидала, а не уметь лгать самой оказалось не так уж и ужасно.

Мой дар создавать свет – или, лучше сказать, огонь – был куда более сложным. Люсифер сдержал свое обещание и помогал мне как только мог. Мы тренировались вместе каждый день в течение последних двух месяцев, часто где-ни-

будь в глубине леса или в безлюдном поле, чтобы я не могла никому причинить вреда.

Сначала он научил меня сливаться со светом, как он сам сливался с тенями. Это оказалось совсем не сложно. Мне просто нужно было вообразить, что я погружаюсь в свет, – и вот я уже оказывалась невидимой для других. Люцифер распознавал все мои попытки исчезнуть – но и для него я, по крайней мере на несколько секунд, превращалась в сияющий солнечный луч.

Этот практичный дар я могла бы использовать в бою. Хотя я и не планировала когда-либо снова идти на войну, я почти каждый день тренировала с друзьями боевые навыки, дабы оставаться в форме и отвлекаться от невеселых мыслей, или же отправлялась охотиться на чудовищ.

Для того же, чтобы контролировать свой внутренний огонь, мне нужно было гораздо больше, нежели простое воображение. Поначалу, чтобы вызвать огонь, мне приходилось по-настоящему разозлиться. Когда доходило до дела, меня бросало в крайности – то лишь небольшое остроконечное пламя свечки, а то целый сноп огня. Однажды я обожгла Люциферу руку, за что до сих пор не могла достаточно наизвиняться.

Как бы то ни было, со временем мои попытки становились все успешнее и успешнее, и теперь, чтобы зажечь в пальцах пламя, мне больше не нужен был гнев – хватало чистой силы воли. Вот управлять этим пламенем и заставлять его расти

или убывать оказалось куда труднее. Именно поэтому Люсифер научил меня создавать синее пламя вместо красного – что-то вроде огня, который согревает, но не обжигает.

Хотя мне самой и обычное красное пламя не причиняло никакого вреда, синее было гораздо практичнее. Например, я могла использовать его, чтобы за считанные секунды подсушить влажное белье, а впоследствии даже осмелилась высушить Люсиферу мокрые волосы.

На сегодняшний день я могла заставить пламя – не важно, красное или синее – плясать на моей руке в течение нескольких секунд, а также увеличивать его, уменьшать и наконец полностью гасить. Мне удавалось даже поддерживать небольшое пламя в течение целого часа, хотя на это и требовалось очень много сил.

Люсифер убеждал меня, что за два месяца, прошедших после войны, я добилась огромных успехов и что не осталось почти никаких навыков, которыми я еще не овладела. Я считала, что он несколько преувеличивает, но все равно чувствовала себя польщенной.

– Я отнесу назад кружки, а потом мы еще немного прогуляемся по городу, – нарушил мою задумчивость Леннокс, взял у меня пустую кружку и направился в трактир.

Мы гуляли по извилистой сети переулков и улиц Адрии наверняка еще целых два часа, прежде чем вернуться в гостиницу, где остановились на ночлег и где находились наши дорожные сундуки.

Больше всего мне понравился квартал художников. Узкие улочки были по обе стороны застроены многоэтажными домами, стены которых были выкрашены в яркие цвета. Через большие окна можно было заглядывать в уютные студии или просторные галереи. В некоторых из них еще горел свет, и художники в заляпанных краской халатах с кистями в руках завершали свою работу.

В других домах находились лавки художников, сквозь высокие витрины которых можно было взглянуть на замечательные картины. Какие-то из них были больше меня – и наверняка стоили целое состояние. Искусство на нашем острове ценилось не очень высоко, но для художника или коллекционера этот район наверняка был настоящим раем.

Мне хотелось бы пройти вдоль Везы до самой гавани и взглянуть на великолепные корабли и на спокойный океан, но ноги мои болели от долгой ходьбы, а веки казались бесконечно тяжелыми. Наконец мы вернулись в гостиницу, и я заснула с успокаивающей мыслью, что *завтра будет новый день.*

Солнце только взошло, а в городе уже много чего происходило. Стоя на узком балконе комнаты, которую мы сняли вместе с Люсифером, я смотрела вниз, на улицу. Люди с маленькими сундуками или большими сумками сновали

по тротуарам, направляясь на работу. Элегантные кареты, запряженные породистыми лошадьми, везли наиболее богатых жителей Адрии, а в качестве водного пути использовалась Веза. На воде качались разноцветные гондолы, которыми за плату управляли перевозчики.

Стоял теплый августовский день. Солнце выглянуло из-за зубцов крыши здания напротив и согрело своими ласковыми лучами мои голые руки. На мне все еще была одежда с прошлого вечера – воздушная юбка и туника-безрукавка; вчера я слишком устала, чтобы переодеться перед сном.

Люсифер присоединился ко мне. На небольшом балконе, обрамленном декоративными железными перилами, было как раз достаточно места для нас двоих.

– Сегодня тебя ждет долгожданный сюрприз! – объявил он.

Я просияла:

– Правда? Когда? Где?

– Спокойствие, – усмехнулся он, – только спокойствие. Пойдем сначала позавтракаем, а там и до сюрприза очередь дойдет.

– Ладно, – нетерпеливо проворчала я и вернулась в нашу маленькую чердачную каморку, чтобы переодеться. На этот раз я выбрала кремовую тунику и широкие синие льняные брюки, отороченные золотом на щиколотках. Затем я последовала за Люсифером в трапезную, занимавшую весь подвал гостиницы.

Леннокс и Астра уже сидели за одним из столов и держали для нас два свободных стула. Оба они, в особенности Леннокс, казалось, неописуемо светились. Похоже, они чего-то радостно ждали. Может быть, уготовленного мне сюрприза?

Проглотив кусок хлеба с сыром и запив его стаканом теплого молока, я вновь поднялась в нашу каморку за сундуком. Мы заплатили хозяевам за ночь и заказали к подъезду карету.

– Куда прикажете? – осведомился возница, невысокий мужчина с каштановыми волосами и глазками-пуговками.

– В порт, пожалуйста, – ответил Люцифер.

Значит, в порт? Так-так, интересно! Я уже давно поняла, что выспрашивать у Люцифера о чем-либо напрямую бесполезно.

Поездка заняла где-то с четверть часа. Я, как замороженная, глядела в окно кареты, впитывая новые впечатления. До сих пор я никогда нормально не путешествовала; за границу меня приводили лишь тайные встречи с Люцифером, да еще один короткий политический визит в Сатандру, во время которого я сопровождала мать. Эта наша поездка в Адрию стала моим первым настоящим отпуском – и я понятия не имела, что же будет дальше...

Карета следовала вдоль Везы; кроме красивых старых домов и небольших магазинчиков, я увидела также рыночную площадь и молельный дом. Затем мы подъехали к портовому району. В открытое окно кареты пахло копченым лососем

и жареной скумбрией.

Лошади остановились; возница открыл дверь и помог нам выбраться. Я в изумлении огляделась. Конечно, я уже бывала раньше в нескольких портовых городах Лунарии, но этот порт меня просто поразил. Я никогда раньше не видела столько кораблей. Казалось, будто из города вырезали прямоугольник и наполнили его водой.

Вдоль окружавших гавань домов тянулись прилавки с рыбой и разными продуктами; еще здесь продавали компасы, руководства по навигации, канаты и многое другое – даже якоря!

Но особо привлекала к себе внимание сама гавань, отделенная от океана молотом. Причалы и небольшие мосты огромной сетью раскинулись над водой; между ними стояли на якоре бесчисленные суда: от небольших рыбацких лодок до гигантских галеонов.

Хотя мы не знали ни о каком другом мире за пределами нашего большого острова, мореходы и искатели приключений неустанно рыскали по океану в поисках иной жизни. Конечно, время от времени им удавалось обнаружить пару-тройку островов, но те всегда оказывались необитаемыми и в большинстве своем не превышали по площади нескольких акров.

– Может, вы объясните мне наконец, что мы здесь делаем? – потребовала я. – Я сгораю от нетерпения!

Леннокс весело усмехнулся.

– Пошли со мной! – позвал он и поспешил по проложенному вдоль гавани променаду.

Похоже, он тоже не мог больше ждать, потому что мне пришлось почти перейти на бег, чтобы догнать его. Наконец Леннокс остановился возле особенно большого судна, сбитого из темно-коричневого дерева.

Корабль был относительно узким, но высоким; на палубе имелись три мачты с белыми парусами. Средняя мачта возвышалась над остальными; на ее вершине гордо реял флаг с гербом Сатандры – величественно восседавшей черной кошкой с блестящей шерстью. Под длинным бушпритом помещалась в качестве ростра резная русалка, смотревшая на меня раскрашенными зелеными глазами. Рядом с русалкой кто-то белой краской нанес на борт название корабля – «Скарлетт». Несомненно, это был самый красивый галеон во всей гавани.

Люсифер и Астра тоже догнали нас.

– Помнишь, как мы стояли тогда на скалах и представляли, как поплывем на край света? – тихо спросил меня Люсифер. – Ну, вот я и подумал, что раз война закончилась, то пришла пора исполнить это желание.

Я уставилась на него, потеряв дар речи. Он хотел отправиться со мной в морское путешествие? Сейчас? Здесь? На этом корабле?

– Ты... Ты...

Я пыталась подобрать слова, пока наконец не сдалась

и не обняла Люсифера. Путешествие на корабле! Такого я действительно не ожидала. Бурно расцеловав его, я пробормотала простые слова благодарности. И как я заслужила такой сюрприз?

В этот момент человек-шкаф – добрых шести с половиной футов¹ в высоту и почти такой же ширины! – проворно перепрыгнул через релинг². У него были огненно-рыжие волосы, такая же рыжая борода и яркие, лазурного цвета глаза. Моряку на вид казалось лет тридцать, но выглядел он очень опытным. На нем был сшитый на заказ темно-синий фрак с серебряными пуговицами, а на поясе висела шпага с рукоятью, инкрустированной жемчугом. Каждый из его толстых пальцев украшало как минимум одно железное кольцо. Он выглядел бы угрожающе, если бы не широкая улыбка.

– Эй, старина! Целую вечность тебя не видел! – крикнул он Ленноксу и крепко его обнял.

Мне показалось, что Леннокс потерял способность дышать, но мой друг все равно засмеялся. Так вот почему он с утра выглядел таким взволнованным! Он знал рыжего гиганта, хотя и никогда о нем не упоминал.

– Я тоже рад тебя видеть, Гордон, – улыбнулся Леннокс в ответ, когда гигант выпустил его из объятий.

¹ В описываемом мире будет использоваться английская система мер – в частности, **дюймы** (1 дюйм = 2,54 см), **футы** (1 фут = 12 дюймов = 30,48 см) и **ярды** (1 ярд = 3 фута = 36 дюймов = 91,44 см). (Здесь и далее – прим. переводчика.)

² **Релинг** (от *англ.* Railing, *нем.* Reling) – ограждение на борту корабля.

Теперь Гордон повернулся к нам. Его широченная улыбка была заражительной.

– А вы, должно быть, Люсифер и Тамара. Я много о вас слышал.

Меня снова захлестнуло чудесное чувство от того, что меня принимают столь открыто. Гордон не стал благоговейно склоняться передо мною, потому что я была принцессой, и не бросал на меня из-за моих сияющих глаз озадаченно-испуганных взглядов. К Люсиферу он также отнесся как к нормальному человеку, а не как к Властителю Тьмы. В общем, Гордон мне сразу понравился.

Гигант энергично пожал нам руки – и наконец повернулся к Астре.

– А ты, значит...

– Астра, – быстро ответила та, чтобы выйти из неловкого положения.

– Астра! Ну конечно! Как я мог забыть? Маленькая подруга Леннокса, верно?

Астра кивнула, но бросила на Леннокса многозначительный предупреждающий взгляд. Все окружение Астры знало, что это Леннокс был *ее* маленьким другом, а вовсе не наоборот.

– Пойдемте, я покажу вам корабль и познакомлю вас с остальной командой, – сказал Гордон и ступил на узкую доску, с помощью которой можно было легче попасть на судно. Мы перелезли через релинг, и у меня снова перехватило

дыхание. Вся палуба, мачты, борта, сам релинг, а также различные трапы и стенки были расписаны. Яркие цвета украшали каждый дюйм дерева. Это был самый настоящий рай.

Я обнаружила изображения животных и растений, зданий и повседневных предметов, людей и мифических существ, природных явлений и натюрмортов. Самые разнообразные и красочные рисунки без какого-либо общего сюжета были выписаны на дереве такой тонкой кистью, что можно было рассмотреть каждую прядь волос и каждую ямочку. Несомненно, на борту жил настоящий художник.

Гордон увидел мое изумленное лицо – и радостно засмеялся.

– Добро пожаловать на чудесную «Скарлетт»³! – воскликнул он. – Это самый красивый корабль в мире. Несколько позже вы познакомитесь с нашей дорогой Грейс, которая отвечает за все эти шедевры.

Я просто не могла этого дожидаться!

Теперь я повнимательнее пригляделась к строению галеона. Мы находились на самой нижней и большой палубе. Небольшой трап в носовой части судна вел на среднюю палубу, или носовую надстройку с деревянным штурвалом. Прорубленная рядом с трапом дверь вела внутрь корабля. Ближе к корме находилась верхняя палуба, или кормовая надстройка; она была немного выше носовой, и там рядом с трапом

³ В английском и немецком языках о кораблях всегда говорят в женском роде. Я буду также придерживаться этого правила.

тоже имелась дверь, ведущая в чрево судна.

Прямо передо мною возвышалась грот-мачта. Ее также украшали различные рисунки; с нее свисали многочисленные снасти и канаты. Справа и слева, то есть ближе к носу и корме, стояли еще две мачты чуть меньшего размера: фок-мачта и бизань-мачта. На поперечной рее бизань-мачты сидел долговязый мальчишка с волосами песочного цвета, державший в руке подзорную трубу. Ему было не больше четырнадцати, и на его лице играла дерзкая ухмылка. Увидев нас, он проворно, словно обезьяна, слез со своей высокой реи и соскользнул по канату, приземлившись рядом с нами.

– Привет, Уилл! – крикнул Леннокс, взъерошивая мальчику волосы. – Ничего себе ты подрос!

– Со времени твоего последнего визита больше двух лет прошло! – парировал мальчик. Если это и был упрек, то ухмылка не позволяла воспринимать его всерьез. Он повернулся к нам и представился: – Я Уильям, но все зовут меня Уиллом.

Прежде чем я успела поприветствовать его, Уилл повернулся к Люсиферу. Он с интересом посмотрел на моего друга, а затем разразился целой россыпью вопросов:

– А ты правда прямой потомок Дьявола? И у тебя есть сверхъестественные способности? А твоя мать – настоящая ведьма? Это правда, что ты сражался на войне и всех нас спас? Да ты герой!

По лицу Люсифера расплылась робкая улыбка. Затем он

протянул руку, искривил длинную тень, отбрасываемую одной из мачт на палубу, и заставил ее превратиться в змею и прыгнуть на Уилла. Тот в ужасе вскрикнул; Люцифер опустил руку, и тень исчезла.

– Потрясающе! – воскликнул Уилл, а затем повернулся ко мне и с любопытством посмотрел на мои прикрытые веки. – Ну, а ты что умеешь?

Я усмехнулась. Как я ждала этого вопроса!.. Вытянув вперед руку, я закрыла глаза и сосредоточилась – а когда снова распахнула веки, то на моей ладони танцевало небольшое оранжевое пламя. Теперь Уилл вообще не смог закрыть рот от изумления.

Прежде чем он успел забросать вопросами и меня, в двери носовой надстройки внезапно появился молодой человек. Хотя я никогда раньше его не видела, он показался мне смутно знакомым. Юноша не был столь крепко сбитым, как Леннокс или Люцифер, но тоже казался сильным – а ростом им по меньшей мере не уступал. Его кожа выглядела загорелой, а золотисто-каштановые волосы до плеч были заплетены в косу. Узковатые глаза вспыхнули карамельным цветом, а рот скривился в улыбке. Да он же вылитый...

– Леннокс! – крикнул юноша и бросился к моему лучшему другу. Тот сделал несколько шагов навстречу, а затем они крепко обнялись. Теперь сходство стало очевидным. Эти двое не могли не быть братьями.

Я вспомнил, как Леннокс однажды рассказывал мне о сво-

ем младшем брате, которого взяли под свою опеку моряки. Вот, значит, где он служит! К сожалению, я забыла, как его зовут.

Братья разомкнули объятия, посмотрели друг на друга и обменялись несколькими словами, которые я на расстоянии не смогла разобрать. Затем они подошли к нам. Брат Леннокса осматривал нас, одного за другим.

– Астра?

Та кивнула.

– Люцифер?

– Очень рад наконец с тобой познакомиться, – чинно ответил тот.

Они пожали друг другу руки.

– Тогда ты должна быть Тамарой, – обратился он ко мне.

– Просто Тары вполне достаточно.

– Калёб, – усмехнувшись, представился юноша. – Просто Кэла вполне достаточно.

Прежде чем мы успели разговориться, в проеме двери показались еще четыре человека. Первой на палубу вышла невысокая, несколько пухлая женщина с рыжими волосами, заплетенными в косу. На ней было платье с цветочным рисунком, а поверх него – фартук. Ее огненные волосы и россыпь веснушек немного напомнили мне Мадлен. Глаза женщины были голубыми, как океан, а на лице ее сияла такая же теплая улыбка, как и у Гордона. Эти двое явно были братом и сестрой, а то и вообще близнецами.

– А это моя замечательная сестра Серафина, – подтвердил мои догадки Гордон, указывая на молодую женщину.

Та приветливо пожала руку каждому из нас. Кэл пояснил, что Серафина является корабельным коком и обладает настоящим даром приготовить восхитительный пир всего из нескольких продуктов.

Потом вперед выступила миниатюрная брюнетка. Ее волосы были заплетены в две косички, а поверх фиолетового платья на ней был надет испачканный краской фартук. Все это придавало ее образу что-то детское, но ее желтовато-карие глаза выглядели умными и взрослыми, словно она уже пережила в жизни достаточно того, что предпочла бы забыть. Вероятно, она была моего возраста, если не старше.

Девушка застенчиво улыбнулась; ее глаза с любопытством перебегали с одного лица на другое. С кистью и палитрой в руках, она, вне всякого сомнения, была корабельной художницей – и, вероятно, создала все эти замечательные работы на мачтах, релингах и бортах «Скарлетт». Я вспомнила имя, которое Гордон упомянул ранее. Значит, это Грейс.

То, как она запоминала каждое лицо, будто мысленно планируя свой следующий портрет, и ее невероятный художественный талант заставили меня испытывать к ней определенное уважение. Она выглядела хотя и застенчивой, но в то же время весьма милой, и я планировала как можно скорее с ней подружиться.

Позади Грейс появилась высокая женщина с безупречной,

несколько темнее обычного кожей, тускло отливавшей расплавленной медью на солнце. У нее были прямые волосы до талии, темные, как эбеновое дерево, и миндалевидные глаза, золотые крапинки в которых особенно явственно выделялись при ярком свете. Длинные ресницы наверняка щекотали ее всякий раз, когда она моргала.

На ней было длинное, облегающее летнее платье изумрудно-зеленого цвета. Каждое ее движение было хорошо продумано и выглядело до странности грациозным. Она, казалось, чувствовала бы себя в своей стихии скорее во дворце, нежели на корабле – и была, без сомнения, самой красивой женщиной, которую я когда-либо видела. Она была даже красивее моей сестры, а это говорило о многом.

Ее улыбка тут же обезоружила всех окружающих без исключения, а когда Люцифер жадно оглядел ее с головы до ног, меня впервые кольнула в сердце ревность.

– Я Морган, – заявила женщина мощным, неожиданно низким голосом и присоединилась к остальной группе. – Рада приветствовать вас на «Скарлетт»!

Я с удовольствием восхищалась бы ее красотой и дальше, как вдруг мое внимание привлек последний человек из этой группы.

Мужчина был молод, вероятно, лет двадцати пяти. Его волосы были черными, но тусклыми и какими-то матовыми, а кожа на удивление бледной, хотя он жил на корабле, где постоянно подвергался воздействию солнца. Чуть прищурен-

ные глаза сверкали серыми штормовыми тучами.

Он не поднимал глаз – и, казалось, явно чувствовал себя неуютно в центре внимания. Поверх его черной одежды был накинута темный плащ, слишком теплый для летней погоды. Руки его были спрятаны в карманах брюк. Он отнюдь не был таким застенчивым, как Грейс, вовсе нет – просто ему не особо нравилось, когда на него смотрели.

Мужчина напомнил мне волка, которого окружала группа охотников. Он был опасным зверем, которого не стоило недооценивать, а мы осмелились посягнуть на его территорию. Я невольно отступила на шаг назад.

Он поглядел сначала на Леннокса, затем на Астру и Люсифера – и наконец уставился на меня. Его взгляд упал на мои залитые солнцем глаза – и, в отличие от большинства людей, он не отвел взора. Я не знала, что могу – или думаю, что могу?... – прочесть в его взгляде. Отвращение? Злость? Холод? А может быть, просто отторжение? Как бы то ни было, я ему, похоже, не понравилась.

– Эш, – коротко представился он, а затем встал позади Грейс у самого релинга, не поворачиваясь ко мне спиной. Словно защищая художницу, он положил руку ей на плечо.

– Думаю, мне стоит сначала разъяснить вам роль каждого члена моей команды, а затем кто-нибудь покажет вам корабль, – снова взял слово Гордон.

Мы нетерпеливо кивнули, и он начал рассказывать.

– Кэл, Морган и Эш заботятся о такелаже. Уилл, наш ко-

рабельный юнга, сидит в вороньем гнезде⁴ и высматривает неизвестные острова или земли.

Он указал на узкую надстройку с круглыми деревянными перилами, на головокружительной высоте возвышавшуюся на фок-мачте. Рабочее место Уилла. Я подумала, не приходилось ли ему оттуда падать.

– Серафина – корабельный кок; она сготовит вашу любимую еду в любое время дня и ночи, – продолжал Гордон. Серафина отмахнулась, но все равно выглядела польщенной. – Грейс – корабельная художница и уборщица по зову сердца. Она обогащает нашу «Скарлетт» настоящими произведениями искусства, а затем драит ее так тщательно, что вы не найдете на всем судне ни единой пылинки.

Грейс слегка улыбнулась, прежде чем Гордон продолжил: – Я же сам – капитан всей этой банды, и я провожу «Скарлетт» даже через самые опасные воды.

Я и сама уже догадалась, что именно Гордон здесь капитан. Нельзя было не заметить, что он был на корабле главным, хотя и относился к своим спутникам скорее как к друзьям и семье, нежели как к подчиненной ему команде. Гигант указал на свое рабочее место – деревянный штурвал на носовой надстройке.

⁴ **Воронье гнездо** – морской термин, образно обозначающий наблюдательный пост в виде закрепленной над марсовой площадкой фок-мачты парусного судна открытой бочки, где размещался наблюдатель или артиллерийский корректировщик. Такой способ наблюдения был особенно распространен на зверобойных и рыболовецких судах при плавании во льдах.

– А кто управляет кораблем, когда все спят? – спросил Леннокс.

– О, ночью мы бросаем якорь или просто даем «Скарлетт» дрейфовать, когда течение хорошее, – ответил Гордон.

Прежде чем я успела спросить, как определить хорошее течение, Уилл нетерпеливо крикнул Гордону:

– Могу я наконец показать им корабль?

Капитан снисходительно кивнул, и Уилл в восторге повернулся к нам:

– Пойдемте со мной! Сначала мы посетим кают-компанию!

И он тут же исчез за дверью, ведущей под кормовую надстройку. Ленноксу, Астре и нам с Люсифером ничего не оставалось, кроме как бросить багаж на палубе и следовать за ним.

Мы вошли в помещение с деревянными стенами, которое было намного больше, чем казалось снаружи. Оно занимало всю корму корабля, точно по размеру кормовой надстройки. Посередине стоял огромный круглый стол из бука с двенадцатью стульями вокруг. Задний борт украшали три больших окна, через которые можно было видеть гавань, с широкими подоконниками, превращенными в уютные ниши отдыха с подушками и одеялами.

На правой стене кают-компании, то есть по левому борту корабля, располагались круглые иллюминаторы, а с потолка свисала масляная лампа. Грейс расписала всю стену между

иллюминаторами. Картина отображала темный океан, а над ним – мерцающее звездное небо.

В правом углу помещения находился небольшой буфет с узкой стойкой и тремя табуретами; на стене за ним – полка с разноцветными бутылками. Я была уверена, что в каждой из них содержится алкоголь.

Левая стена кают-компания, к моему вящему восторгу, оказалась полностью заставлена книжными полками. Полки эти доходили до потолка и были до того забиты, что некоторые книги пришлось сложить в высокие штабеля на полу справа и слева от них. Просто сбывшаяся мечта! Нужно будет обязательно узнать, кому эти книги принадлежат.

Уилл дал нам время повосторгаться просторным помещением, а затем пустился в объяснения:

– Кают-компания – это сердце «Скарлетт». Мы здесь обедаем, проводим встречи – к примеру, чтобы обсудить, в каком направлении плыть дальше, – играем в карты или же просто приходим сюда почитать или подумать. Там, внизу, – он указал на незаметный трап слева от меня, по которому можно было спуститься глубже в чрево корабля и которого я раньше даже не заметила, – находятся каюты и камбуз.

Юнга провел нас по ступеням в тусклый коридор с дверями по обе стороны, освещенный масляными лампами разнообразных размеров и форм. Первые две двери были самыми большими. Уилл открыл правую, показывая нам камбуз. На нескольких столах стояли горшки и сковороды, а между

ними располагались печь и мойка. Здесь царил ужасающий беспорядок, но уютно пахло различными специями и травами, которые располагались на полке слева.

– Это мир Серафины, – прокомментировал Уилл, прежде чем вывести нас назад в коридор и открыть левую дверь. Она вела в ванную комнату. Там находились ванна на бронзовых ножках, большое зеркало, широкая полка с косметическими принадлежностями и тазик для умывания, а рядом несколько ведер. Откуда же у команды пресная вода? Я решила запомнить этот вопрос вместе со многими другими – и задать их все, когда появится такая возможность.

Уилл провел нас дальше по коридору и открыл следующую дверь. На этот раз мы очутились в спальне. Кровать в углу больше походила на походную лежанку с одеялами и подушками. Рядом возвышался большой стол, заваленный картами, блокнотами и перьями. У левой стены стоял массивный платяной шкаф, а деревянный пол был устлан синим ковром.

Источником света служил иллюминатор, который можно было прикрыть небольшой занавеской. В не очень большой спальне все же имелось достаточно места, и в целом она выглядела вполне по-домашнему.

– Капитанская каюта, – сообщил нам Уилл.

С этими словами он закрыл дверь в спальню Гордона и показал нам другие каюты. Все они были устроены одинаково, по размеру немного уступали капитанской и обходились без

такого же огромного стола, но все же оставались достаточно просторными.

Сначала Уилл открыл дверь в каюту Серафины, затем показал нам свою собственную, а там очередь дошла и до кают Морган, Калеба, Грейс и Эша. Оставались еще семь дверей, за четырьмя из них скрывались каюты, отведенные нам. Каюты за остальными дверями использовались как складские помещения.

Моя каюта находилась между каютами Люцифера и Эша, напротив каюты Астры. Койка оказалась довольно узкой, но со всеми разноцветными подушками и одеялами все равно выглядела очень удобной. За иллюминатором я обнаружила красивые фасады Адрии; над ним крепилась полка, на которой я могла разложить свои вещи. У другой стенки находился сосновый платяной шкаф, а рядом с ним – достаточно места для обуви и дорожного сундука. В центре каюты лежал бархатный фиолетовый ковер.

Естественно, мое новое пристанище было не таким большим и роскошным, как моя комната в Белом дворце, но показалось мне гораздо уютнее.

После того как мы перенесли сундуки в каюты, Уилл отвел нас к винтовому трапу в конце коридора.

– Внизу – разные складские помещения. Мы храним там провиант и различный инвентарь, – пояснил он.

Было удивительно, что под нашими каютами находилась еще одна палуба.

Вместо того чтобы спуститься, Уилл поднялся по трапу наверх. Прямо под носовой надстройкой находилось небольшое помещение с удобным кожаным креслом и широким диваном. Между ними я увидела небольшой столик с тарелкой, полной выпечки. Стены были выкрашены в салатовый цвет, а под иллюминатором стоял комод с различными подозрными трубами и компасами. Дверь вела обратно, на центральную палубу. Уилл объяснил, что на корабле это помещение называют Зеленым залом.

Такова оказалась «Скарлетт». Я никогда раньше не бывала на корабле, но не могла представить себе судна прекраснее этого галеона.

Глава 2

После обхода судна все собрались в кают-компании, чтобы поговорить. Когда мы расселись вокруг большого стола, Гордон начал рассказывать, как они с Серафиной приобрели корабль и набрали команду. Эти двое и в самом деле оказались близнецами, а их отец умер в молодом возрасте от неизлечимой болезни. Серафина и Гордон заботились о своей матери, но та не смогла вынести потери мужа и однажды ночью покончила с собой.

– Нам было всего по семнадцать, когда мы потеряли обоих родителей, – сказал Гордон. – С тех пор нам оставалось надеяться только на себя. Мы жили в большом доме на городской окраине, но вскоре поняли, что это не та жизнь, которой нам хотелось бы. Мы искали приключений, поэтому продали дом и на вырученные деньги купили «Скарлетт».

– Океан буквально призвал нас к себе, – добавила Серафина с улыбкой, прежде чем исчезнуть на камбузе, чтобы приготовить скромный перекус.

– Теперь у нас был корабль, но не было команды, – сно-

ва взял слово Гордон. — Поскольку мы даже и сами еще не повзрослели, нам пришлось на время отказаться от мечты стать мореходами. К тому же у нас не хватало денег на дальние путешествия. Итак, мы свили гнездышко на «Скарлетт», но оставались на якоре в порту — и нам пришлось искать работу. Серафина стала поварихой в популярной гостинице, а я выискивал там и сям антикварные вещи, которые затем продавал на рынке. Таким образом, я общался с людьми и присматривался к потенциальным членам нашей команды.

Прошло несколько недель, и однажды я набрел на маленького мальчика, блуждавшего по темной улочке. Я не мог не взять его с собою; поступить иначе было бы бессердечно. Так в нашу команду вошел Кэл.

Я вспомнила, как Леннокс рассказывал, что его отправили в Черный замок в возрасте шести лет, дабы смолоду обучить солдатскому ремеслу. Его брата, который был на год младше, сочли слишком юным для того, чтобы его сопровождать, — и Кэл бродил по городу в одиночестве, пока его не подобрала какие-то моряки. Итак, теперь я услышала эту историю с точки зрения моряков, Гордона и Серафины.

— Мы втроем прожили на «Скарлетт» еще два года, — продолжал тем временем Гордон. — Мы с Серафиной продолжали зарабатывать деньги и по-прежнему не могли путешествовать, потому что наша команда была еще слишком маленькой. Тем не менее мы не хотели нанимать профессиональных матросов; нас скорее интересовали люди, которые

могли обрести для себя на «Скарлетт» новый дом.

Прошло еще два года, и в какой-то момент я встретил на рынке Эша и Грейс, которым тогда было всего пятнадцать и девять лет. Мне сразу бросились в глаза ее талант и его мужество – и я спросил, не захотят ли они присоединиться к нашей команде из трех человек.

Гордон улыбнулся, и Грейс, покраснев, улыбнулась ему в ответ. Лишь выражение лица Эша оставалось абсолютно безразличным. Он даже не сел с нами за стол, а стоял в тени позади Грейс, закутанный в свой черный плащ.

– Теперь нас насчитывалось уже пятеро, но и такая команда была слишком мала, а большинство ее членов были еще чересчур молоды. Нам с Серафиной шел всего двадцать второй год. Нам пришлось ждать еще пять лет, прежде чем мы наконец обнаружили пятнадцатилетнюю Морган и взяли ее к себе. Теперь нас было уже шестеро, и мы отважились на наше первое плавание, хотя взрослых среди команды было всего трое: Серафина, Эш и ваш покорный слуга.

Мы плыли целую неделю – и ничего, абсолютно ничего не обнаружили. Ни одного крошечного островка! Разочарованные, мы вернулись в Адрию, чтобы пополнить запасы и спланировать наше следующее плавание. В Адрии мы взяли на судно Уилла, который тоже искал для себя новый дом после смерти родителей. Ему тогда было всего десять.

Вот так наша команда и сформировалась полностью четыре года назад. Что ж, теперь настало время добавить к ней

еще четырех членов.

На этом Гордон закончил свое повествование.

Какая авантюрная история! Я подсчитала в уме, сколько лет капитану и его команде. Гордону и Серафине, должно быть, по тридцать, Калебу восемнадцать, Эшу двадцать четыре, Грейс восемнадцать, а Морган девятнадцать. Как я и ожидала, Уилл, в свои четырнадцать, был самым младшим.

Вошла Серафина; в правой руке она с трудом удерживала тарелку со свежим хлебом и вкусным сыром, а в левой – поднос с напитками. Повариха церемонно поставила тарелку и поднос на середину стола – и, поблагодарив ее, мы направились к еде.

– А вы когда-нибудь обнаруживали во время своих путешествий другую страну? – наконец задала я вопрос, который все время вертелся у меня на языке.

Считалось, что во всем мире нет других стран, кроме Трансаки, Лунарии и Сатандры. Хотя у меня не имелось никаких доказательств обратного, мне было трудно представить себе, что наш остров был единственным населенным участком суши в этом гигантском океане. Ведь где-то еще должны существовать люди! А если и не люди, то другие существа...

Кроме того, было невозможно представить себе, что даже у этого огромного океана нет ни конца, ни края. А что насчет неба или звезд? Что, если там, высоко в воздухе, плавают

огромные города и континенты, о которых мы даже не догадываемся? По сути, мы, люди, были ужасно невежественными.

Я, все еще в ожидании ответа, вопросительно огляделась по сторонам – но увидела одни лишь разочарованные лица.

– Мы часто плавали неделями напролет – но, за исключением небольших необитаемых островков, не нашли ни единого участка земли, и уж тем более не обнаружили края света, – наконец объяснила Морган. – Хотя мы все мечтаем первыми открыть какую-нибудь населенную людьми землю, это желание так пока и не сбылось.

Произнося эти слова, она выглядела очень печальной.

– Но с вашей четверкой в качестве талисмана мы наверняка откроем что-нибудь новое во время этого путешествия! – снова приободрил нас Уилл, широко улыбнувшись.

– Кстати, – вставил Люсифер, – а как вы решаете, в каком направлении плыть?

Хороший вопрос. Я и сама бы его сейчас задала.

– О, для этого у нас есть целый ритуал, – ответил Гордон, ободряюще кивая Уиллу. – Давай, малыш. Я знаю, что ты весь день только этого и ждешь.

Мальчик, сияя, вскочил на ноги – и вскоре вся команда внимательно смотрела на него, когда он встал посреди кают-компаний, а затем выудил из кармана старинный компас.

– Куда направится «Скарлетт» в новое путешествие? – почти с трепетом спросил он.

В следующий момент Кaleb и Морган досчитали до трех, и Уилл закружился волчком, все убыстряясь и убыстряясь. Он держал компас на вытянутой руке, и стрелка вертелась так же быстро, как и он сам.

После того как мы некоторое время с улыбкой смотрели на Уилла, Грейс наконец закричала:

– Стоп!

Уилл остановился. Чуть спотыкаясь, он с любопытством склонился над компасом, а затем, после выразительной паузы, наконец объявил направление:

– На восток!

Мы зааплодировали.

– Поднять паруса, матросы! – воскликнул Гордон. – Мы идем навстречу восходу солнца!

Мы, продолжая хлопать, вышли на палубу.

Я была поражена, насколько быстро Эш, Кaleb и Морган взобрались вверх по вантам и занялись парусами. Для меня было загадкой, как Морган в своем длинном платье не запуталась во всех этих тросах и канатах. Отработанными за годы странствий движениями эти трое развязывали паруса и ставили их по ветру. Было довольно свежо, и нам оставалось лишь дожидаться сильного порыва ветра, чтобы выйти из гавани.

Выйти из гавани... Отправиться в путешествие, настоящее путешествие, не просто из одного города в другой, но через сам океан! Я никогда не была еще нигде, кроме Луна-

рии, Сатандры или Трансаки. Я никогда не стояла на палубе корабля, не говоря уже о том, чтобы пуститься в плавание. И вот наконец это время пришло. Я отправлюсь в путь, хотя бы всего на несколько недель. Я покину остров и буду наконец свободна. Люцифер даже понятия не имел, как много значил для меня его подарок.

Когда Эш, Калейб и Морган снова почувствовали под ногами твердую палубу, Гордон встал за штурвал, чтобы вывести «Скарлетт» из гавани. Поднявшийся ветер наполнил паруса, и корабль медленно двинулся вперед. Со скоростью улитки мы миновали остальные корабли и легли на борт, чтобы обогнуть каменный мол. Через несколько минут мы вышли из гавани и оказались в открытом океане.

Я поднялась на корму, и на мгновение у меня перехватило дыхание. Белые паруса развевались на ветру, и теперь я распознала и на них герб Сатандры с черной кошкой, который уже видела на флаге высоко на грот-мачте. Мы быстро продвигались вперед, и корабль вспенивал небольшими волнами зеркально-гладкую поверхность воды.

Город быстро оставался позади; дома сияли золотом в лучах вечернего солнца. Из гавани теперь вместо делового портового разноголосья до нас доносились лишь отдельные крики, а корабли становились все меньше и меньше, пока не начали напоминать детские игрушки.

Легкий страх примешивался к моей радости. Я никогда не была так далеко от острова. Однако мое волнение быстро

уступило место возбуждению. Еще одно настоящее приключение! Наконец-то!

Две знакомые руки внезапно обвились сзади вокруг моей талии, и Люсифер притянул меня к себе.

– Как красиво! – выдохнула я, не сводя глаз с постоянно уменьшающегося портового города. Адрия, эта прекрасная Адрия, казалась теперь ничтожной в сравнении с гладким как зеркало океаном, окружавшим нас со всех сторон. Вода окрашивалась под лучами заходящего солнца в серебро и золото. Я попеременно смотрела то на блики на ее поверхности, то на исчезающий город.

Мы плыли на север, удаляясь от острова, и намеревались повернуть на восток только тогда, когда Сатандра скроется из виду. Ждать придется недолго; мы отдалялись от береговой линии куда быстрее, чем я того ожидала.

Я обратила свой взор на островной ландшафт, на поля, леса и маленькие рыбацкие деревушки, тянувшиеся вдоль побережья. На западе я даже увидела пару скал, очень похожих на те, на которых мы с Люсифером провели так много дней.

Закрыв глаза, я наслаждалась лучами солнца на лице и соленым ветерком в волосах. Медленно вытянув руки, я почувствовала, как солнечные лучи щекоют мою голую кожу. Полностью отдавшись ощущениям, я просто сосредоточилась на тепле, как меня учил Люсифер, и сжала пальцы, будто держа мяч. Когда я снова открыла глаза, между моими пальцами проплыла светящаяся сфера того же оттенка, что

и заходящее солнце справа от меня.

Я улыбнулась сверкающему оранжевому шару – чуть меньшему по размеру двойнику огромного огненного шара в небе. Чтобы удерживать мой рукотворный шар, требовалось сильно сосредоточиться, поэтому я вытянула руки вверх, словно отбрасывая его от себя. Мое собственное маленькое солнышко взмыло в вечернее небо, озарив воду под нами золотым цветом, а настоящее солнце на горизонте тем временем медленно погружалось в воду.

Мы с Люцифером стояли у релинга до тех пор, пока ни одного из двух солнц больше не стало видно, а остров не превратился лишь в крошечную точку в бескрайнем океане. Только тогда я развернулась к своему другу.

– Спасибо, – поблагодарила я его от всего сердца.

К ужину мы вернулись в кают-компанию. Серафина, как всегда, готовила, и вкус у ее стряпни оказался именно таким восхитительным, как нам и обещали. Посреди огромного обеденного стола располагалась целая батарея блюд, сердцем которой была запеченная курица, залитая густой подливой. К ней Серафина подала вареный картофель, таявшие во рту отварные овощи и свежий салат с необыкновенным соусом.

В Белом дворце никогда не кормили ничем типа обычной

курицы – Грета всегда готовила изысканные, даже экзотические блюда. Сегодня же мне особенно понравилось простое, но вкусное и нежное белое мясо с восхитительно приправленными гарнирами. Грета, конечно, замечательная повариха, но я была уверена, что лишь Серафине по силам превратить самую обычную курицу в наилучшее блюдо, которое я когда-либо пробовала.

После того как все наполнили свои тарелки едой, мы с друзьями начали задавать вопросы, которые весь день так и вертелись у нас на языке. Леннокс выступил с почином – и поинтересовался, приходится ли Гордону и его команде возить с собою огромное количество пресной воды или же они добывают ее иным образом во время каждого путешествия.

– Мы разработали специальное сито, с помощью которого можно процеживать морскую воду по несколько раз, пока из нее окончательно не будут вымыты грязь и соль. Полученную пресную воду мы используем для питья, а также для мытья, стирки и приготовления пищи, – объяснил Гордон.

Я никогда еще не слышала о таком изобретении – и нашла его захватывающим.

– Вы говорили, что ничего не обнаруживали во время ваших путешествий, кроме небольших необитаемых островов, – подхватила Астра. – Насколько велик тогда может оказаться океан и есть ли у него край?

Это был скорее риторический вопрос, потому что ответа на него, естественно, никто не знал.

– В каждом из наших путешествий мы решали плыть в новом направлении, и каждый раз оставались в пути немного дольше. Тем не менее мы никогда не обнаруживали никакой действительно большой суши, а тем более края света. Может быть, однако, на этот раз нам повезет чуть больше. Я уверен, что в мире есть что-то еще, кроме бесконечной воды, – ответил Кaleb. Остальные закивали в знак согласия.

Я восхищалась командой «Скарлетт» за их неиссякаемую надежду открыть что-то новое. Они безуспешно отправлялись в плаванья вот уже несколько лет, но не сдавались. Одного этого было достаточно, чтобы заслужить мое одобрение.

– У вас когда-нибудь заканчивались припасы? – спросила я. Было наверняка тяжело брать с собой достаточно провизии на каждый рейс, не перегружая корабль и не позволяя в то же время еде заплесневеть.

– Да ты никак боишься умереть с голоду? – засмеялась Морган и покачала головой. – Мы всегда берем с собой достаточно провизии, а если она действительно закончится, то Серафина сотворит что-нибудь съедобное даже из досок!

Это замечание вызвало всеобщий смех.

Мне снова бросилось в глаза то, что настоящим сердцем команды была Морган, а не Гордон. Эта юная красавица, казалось, нравилась всем, даже Эшу. Сказать по правде, я начала обращать особое внимание на взаимоотношения между разными членами команды. Морган и Кaleb, к примеру, по-

казались мне хорошими друзьями, и я не раз видела, каким взглядом Кaleb смотрел на Морган, когда она этого не замечала.

Эш и Грейс тоже были близки, и меня снова поразило то, что Эш никогда не выпускал художницу из поля зрения более чем на несколько секунд. Он заботился о ней, словно старший брат, хотя они и выглядели слишком по-разному, чтобы быть родственниками. Или, может быть, они вообще были парой? В какой-то момент я наверняка спрошу об этом одного из них. Пожалуй, скорее Грейс, потому что Эш все еще смотрел на меня волком, когда думал, что я ничего не замечаю.

Серафина и Гордон были как одна душа, и я не могла представить их ссорящимися. А Уилл, любопытный и остроумный Уилл нравился всем и каждому. Вряд ли кто-либо мог бы не одобрить его любознательную, но при этом ненавязчивую манеру поведения. Даже Астра рядом с ним как будто немного оттаяла.

В общем, команда Гордона не походила на группу случайных людей, которые постепенно стали друзьями; скорее это была одна большая семья. Все семеро принимали друг друга такими как есть, относились друг к другу открыто и доброжелательно и заботились как друг о друге, так и о «Скарлетт».

Важнее всего, однако, мне показалось то, что и к нам все они относились так же – словно мы уже стали частью

команды. Люцифер перед ужином рассказал мне, что Леннокс некоторое время назад спросил своего брата в письме, не найдется ли у них на корабле несколько мест для нас. Я не знала, заплатил ли Люцифер за это путешествие; как бы то ни было, он наверняка ожидал, что с нами будут обращаться как с незнакомцами – или, в лучшем случае, как с гостями. Когда несколько часов назад Люцифер открыл мне наконец, что мы отправляемся в океанское путешествие на корабле, я подумала о том же самом.

Да и как было об этом не подумать? К нам обоим всю жизнь относились холодно. Мы почти для всех оставались чужими.

Люди всегда смотрели на меня с трепетом и не открывали своих истинных чувств, чтобы выглядеть идеально, из уважения к королевской семье. С Люцифером дела, должно быть, обстояли еще хуже – народ Сатандры не только боялся его, прямого потомка Дьявола и сына грозной королевы Фрейи, но и почти в открытую его ненавидел.

Здесь же, на «Скарлетт», к нам отнеслись как к старым друзьям, а не как к аристократам или обладателям двух самых могущественных в мире даров. Никто не смотрел в мои глаза или в глаза Люцифера со страхом или недоверием, – ну, кроме Эша, конечно, – и никто не расспрашивал о нашем прошлом.

Не прошло еще и дня с момента нашего знакомства, а мне уже казалось, что я знаю команду «Скарлетт» всю

свою жизнь. Корабельная семерка приняла нас в свой круг – не как чужаков и даже не как просто знакомых, а как часть их дружной семьи. Если к нормальным людям относились повсюду именно так, то у меня теперь появилась еще одна причина ненавидеть свой титул больше всего на свете.

Мы задавали все новые и новые вопросы: об устройстве «Скарлетт», о повседневных занятиях команды и о том, встречались ли они когда-нибудь с другими кораблями в открытом океане. На последний вопрос Уилл ответил утвердительно, но тут же добавил, что, к сожалению, другие корабли всегда носили соответствующие гербы Трансаки, Лунарии или Сатандры.

– Вы когда-нибудь сталкивались с морскими чудовищами? – наконец с любопытством спросила я. Мне приходилось слышать легенды об опасных осьминогах и огромных рыбах, способных сожрать целый корабль.

– Если считать русалок морскими чудовищами, то да, – ответил Калёб.

Русалок? При наличии в нашем мире всех этих троллей и псов-кровопийц это не должно было меня удивить – и тем не менее упоминание о русалках произвело на меня впечатление.

– А как они выглядят? – захотел узнать Люсифер.

– Потрясающе... – Во взгляде Калеба появилось что-то мечтательное, и я подавила ухмылку, когда Морган хлопнула его по плечу. – У них золотые волосы и мерцающие ры-

бы хвосты, и они носятся по воде быстрее любого корабля и грациознее любого человека.

Что ж, это действительно звучало прекрасно.

Астра, Леннокс, Люсифер и я поинтересовались и другими вещами, прежде чем наконец настала очередь остальных. Я ответила на все вопросы, которые мне задавали относительно моего пребывания в Лунарии. Мне показалось, что я уже в сотый раз рассказываю и о своих боевых уроках, и об охотничьих вылазках в лунарийские леса, и о знакомстве с Люсифером. Я поведала команде о нашем общем заключении в темнице Авана, а также о том, как Астра и Леннокс героически нас освободили – и как мне впоследствии пришлось рассказать своей семье всю правду о себе. Я не упомянула о пророчестве, которое все еще связывало меня с Люсифером.

Мое повествование было довольно кратким. Я поведала только самое необходимое, хотя это, вероятно, и было несправедливо после подробных рассказов других. Все мое прошлое напоминало о Леандере, и, если бы я углубилась в детали, медленно заживающая рана в моем сердце наверняка открылась бы снова.

В какой-то момент я остановилась; Астра и Леннокс взяли слово и снова заговорили о своем пребывании в Черном замке и о недавней войне. Я их не слушала, пытаюсь выровнять дыхание и заставить руки перестать трястись.

Каждый раз, когда я думала о войне, об Аване, моей мате-

ри или Леандере, огонь, этот поневоле унаследованный дар, вскипал во мне и пытался вырваться наружу. Каждый раз требовалась немалая сила воли, чтобы отослать его обратно к источнику в глубинах моего тела и надежно там запереть.

Я почувствовала облегчение, лишь когда Леннокс и Аст-ра перестали говорить, а Люсифер схватил меня под столом за руку, будто почувствовав, что со мной что-то не так. С благодарностью я переплела свои пальцы с его пальцами, запирая глубоко внутри не только пылающий огонь, но и любую мысль о войне или моем брате. Сегодня вечером я намеревалась повеселиться. Моему жестокому прошлому на «Скарлетт» точно не было места!

За большими окнами на задней стене кают-компания уже стемнело, но наш вечер только начинался. Когда мы съели все подчистую, Серафина унесла посуду, а Гордон подошел к угловой стойке и вытащил из-за деревянного прилавка три пузатые бутылки.

– Лучший алкоголь в мире! – заявил он, с шумом ставя бутылки на стол.

На каждой из них жирными коричневыми буквами было написано «Ром». Я была наслышана о таком алкогольном напитке и знала, что он пользовался широкой популярностью среди моряков, но сама никогда его не пробовала. В Белом

дворце подавали только вино: красное, белое и лишь иногда игристое; в городах предпочитали пиво и более крепкий алкоголь. Рома, однако, было не достать.

Серафина вернулась наверх с подносом, уставленным пустыми стаканами, и Гордон начал наливать каждому из нас. От янтарного цвета жидкости остро пахло. Когда перед каждым оказался полный стакан, Гордон поднял свой и произнес тост:

– За наших новых матросов и нашу цель – найти край света!

Сдвинув стаканы, мы залпом их выпили. Я поморщилась. Ром оказался одновременно пряным, сладким и острым. Я еще не решила, нахожу ли его приятным или отвратительным на вкус.

Морган, увидев выражение моего лица, от души рассмеялась.

– Привыкнешь! – пообещала она и налила себе еще стакан, прежде чем спуститься по трапу.

– Куда это она? – поинтересовалась я.

– Сюрприз! – Глаза Калеба вспыхнули.

Вскоре Морган вернулась с руками, полными каких-то вещей. Уилл и Калёб вскочили на ноги, и Уилл схватил барабан, который Морган ему протянула. Инструмент с узким корпусом можно было удобно поставить на пол; поверх была натянута шкура какого-то животного.

Калебу дали что-то маленькое, железное, величиной с ла-

донь. Форма инструмента напомнила мне арбалет. Теперь у Морган в руке оставался только один инструмент – маленькая лютня. Я видела лютни в дворцовом оркестре, но никогда еще не встречала столь красиво оформленной.

Светло-коричневый корпус был украшен золотой резьбой, доходившей извилистой линией до самого грифа. Можно было различить растения и животных, а между ними прятались надписи на незнакомом мне языке. Струны также были выкрашены под золото. Лютня выглядела старой, но отнюдь не изношенной. Морган несла ее бережно-бережно, словно младенца. Возможно, этот инструмент был семейной реликвией.

Трое музыкантов сели на пол, и нас четверых словно громом поразило, когда Морган начала играть. Ее тонкие пальцы металась по струнам, как будто она никогда в жизни не делала ничего другого, а извлекаемые звуки были такими нежными, что у меня пробежали мурашки по коже.

Она взяла несколько аккордов, а затем к ней присоединились Уилл и Кaleb. Уилл подстроился под скорость Морган и принялся в устойчивом ритме постукивать по барабану. Кaleb, напротив, поднес свой необычный инструмент горизонтально к губам и подул в него. Раздалась громкая, но красивая и протяжная нота, сразу влившаяся в мелодию Морган. Все трое играли в полной гармонии.

А потом Морган запела. Поджав губы, она взяла первую ноту. Пение ее являло собою полную противоположность

той нежной мелодии, которую ее пальцы извлекали из инструмента. Ее голос был сильным, громким и слегка хриплым, но тем не менее красивым. Он звучал странно, дико и экзотично – и так отличался от всего, к чему я привыкла! Ее пение было самым прекрасным, что я когда-либо в жизни слышала.

Я не осмеливалась отвести взгляд от певицы, хотя мне и хотелось узнать, были ли Люсифер, Астра и Леннокс так же очарованы, как и я сама. Морган пела, и ее голос эхом разносился по кают-компании, да и по всему кораблю. Ей хватило нескольких секунд, чтобы околдовать каждого присутствующего. Она пела на древнем языке, языке наших предков, и хотя я не понимала ни слова, песня все равно тронула меня до глубины души.

Я ведь знала эту песню. Я успела забыть ее, но теперь меня захлестнули воспоминания. Я не знала слов, но вспомнила мелодию. Леандер напевал ее мне, когда я была совсем еще ребенком. В бурные ночи, когда ветер свистел вокруг моей башни, будто собираясь смести ее вместе со мной, когда молния освещала все вокруг, а грохот грома заставлял дворец содрогаться, старший брат прокрадывался в мою комнату и заползал ко мне под одеяло. Наша мать пела ему эту песню задолго до того, как родила меня, и в бурные ночи Леандер напевал мне без слов ее мелодию, чтобы меня успокоить.

Я поняла, что плачу, только когда слезы потекли по моему подбородку и растворились в складках моей туники. Я утер-

ла их лишь тогда, когда стихла последняя нота песни и я снова смогла двигаться. Морган отложила лютню. Раздались аплодисменты, и я хлопала громче всех. Теперь я взглянула на своих друзей. Мне просто почудилось или глаза Астры тоже подозрительно блестели?

После того как Морган встала и выпила еще стакан рома, она снова заняла свое место между Калебом и Уиллом. Каллеб тем временем рассказал мне, как называется его инструмент, и в общих чертах объяснил, как на нем играть. Это был железный варган⁵.

— А теперь — народная песня, которую вы все должны знать! — объявила Морган.

На этот раз начал играть Уилл, задавая темп своим барабаном. Его руки быстро и равномерно опускались на туго натянутую шкуру животного, а когда Морган и Каллеб подхватили мелодию, я сразу ее узнала. Это была старинная народная песня, под которую я танцевала и пела на всех балах и торжествах в Белом дворце.

Речь в ней шла о принце, который влюбился в бедную кре-

⁵ **Варган** (возможно, от *старослав. варга* — «рот», или *греч. органон* — «инструмент») — музыкальный инструмент в виде свободно колеблющегося в промежутке рамки язычка, приводимого в движение пальцем или дерганием за нитку. Инструмент устанавливают в области рта. Ротовая полость и глотка, а также носовая полость и нижние дыхательные пути служат резонатором, усиливающим громкость. Управляя работой артикуляционного аппарата и дыхания, тембр звучания варгана изменяют за счет усиления тех или иных обертонов в его звуковом спектре, при этом основной тон звучит постоянным бурдоном. В Европе варган стал известен в начале второго тысячелетия.

стьянскую девушку и попытался сбежать с ней. На полпути, однако, их схватил жестокий отец принца, а девушку бросили в темницу. После нескольких попыток ей удалось сбежать и вернуться в свою деревню, но принца она больше никогда не видела.

Текст песни, впрочем, был делом десятым; куда важнее была быстрая, захватывающая мелодия, которая крутилась в голове потом в течение нескольких дней. Я знала эту песню наизусть и начала подпевать, как только Морган взяла первые ноты. Меня не волновало, что каждая вторая из взятых мною нот была фальшивой. Мне хотелось повеселиться хотя бы в этот вечер, да и выпитый ром давал о себе знать.

Остальные тоже спустя несколько мгновений открыли рты, и мы запели хором. Грейс, Серафина и я пели сопрано; Астра и Морган гудели альтом, а Уилл, Гордон и Леннокс подпевали как три тенора. Калерб, наверное, тоже подпел бы нам, но он был занят своим варганом. Я с трудом поверила своим глазам, – точнее, ушам, – когда Люцифер тоже запел. Его чудесный голос, глубокий и успокаивающий, полился басом. Теперь наш хор выступал почти в полном составе.

Только Эш стоял в углу и прислушивался. Возможно, мои чувства были затуманены ромом, но мне показалось, что я вижу крошечную улыбку в уголке его рта.

Мы пели, пили и смеялись до поздней ночи. За очередной радостной народной песней последовали старинные детские песенки, которые знал каждый из нас. Когда же мы настоль-

ко опьянели, что наше пение превратилось в визг, Морган сыграла несколько медленных баллад, прежде чем снова отнести все инструменты вниз.

Это был мой самый приятный вечер за долгое время. Мы рассказывали друг другу какие-то истории, которые я на следующее утро наверняка забуду, а выпила я даже больше, чем тогда, на коронационном балу Тессы. В какой-то момент – мое чувство времени подсказало мне, что это было сильно после полуночи – мое тело словно налилось свинцом, и я, уронив голову на стол, почти провалилась в сон.

После того как трезвый Эш проводил Грейс в ее каюту, – а художница выпила куда больше, чем я того ожидала от столь миниатюрной девушки, – Люсифер без церемоний поднял меня и последовал за ними. Я не протестовала и лишь невнятно пробормотала: *«Спокойной ночи»*, прежде чем он понес меня вниз.

Хотя Люсифер и сам выпил немало рома, он шел на удивление прямо и совсем не качался, пока нес меня по коридору. Он толкнул дверь в мою каюту, и я будто созерцала со стороны сквозь туман, как он раздел меня до нижнего белья и уложил на мягкую койку. Люсифер накрыл меня одеялом, и еще до того, как он вышел из комнаты, я уже крепко спала.

Глава 3

Я проснулась на рассвете. Голова моя раскалывалась, и я чувствовала себя ужасно усталой, но знала, что не смогу больше заснуть. «Скарлетт» слегка покачивалась на волнах. Я кинула взгляд в иллюминатор. Открывшийся мне вид был волшебным. Никакой земли вокруг, только бескрайний океан и широкое небо. Серые облака низко нависали над темной водой.

Стоило мне встать, как где-то в районе лба запульсировала боль. Я знала, что не следовало так много пить, и все же ни о чем не сожалела. Прошлый вечер оказался воистину бесподобным!

Я надела темно-синюю тунику и темно-серые брюки, прежде чем прокрасться в коридор и в ванную. Закончив свой утренний туалет, я прошла через пустую кают-компанию и поднялась на палубу. Приятно прохладный воздух подул мне в лицо. Было не холодно, но и совсем не так жарко, как в последние несколько дней. Доски под ногами оказались влажными; значит, ночью шел дождь.

Я огляделась по сторонам. Палуба была пуста, да и Гордон с Уиллом все еще спали; их рабочие места оставались незанятыми. Паруса были свернуты, чтобы «Скарлетт» ночью не сбилась с курса, если ветер переменится.

Я подумала было, что нахожусь на палубе одна, когда около релинга по правому борту увидела человека в черном. Люцифер меня еще не заметил. Он стоял неподвижно, глядя на нефритово-зеленую (или темно-серую?) воду, то и дело покрывавшуюся белой пеной. Мой друг слегка развел руки в стороны; северный ветер трепал ему волосы спереди и взъерошивал их.

Что-то похожее я видела только на картинах. Каждый штрих был выписан идеально. Серое небо, беспокойный океан да одетый в черное воин, чья мускулистая спина вырисовывалась под облегающей туникой. Чуть разведенные руки и вздох облегчения, который он издал в этот самый момент.

И тогда я поняла, что это путешествие было подарком не только мне, но и самому Люциферу. В этот момент он казался не только счастливым, но и свободным. Это было то, чего он хотел всю свою жизнь. Свобода. Теперь наконец он ее обрел.

Вдруг у меня на глазах выступили слезы. Он был счастлив; значит, и я была счастлива вместе с ним.

Я некоторое время наблюдала за ним, а затем тихо подошла. Он казался настолько погруженным в свои мысли, что не услышал моего приближения, пока я не обняла его сзади,

как он обнимал меня вчера. Люсифер замер, но затем расслабился.

– В такую рань уже на ногах, Огнесолнышко?

Прозвище, которое он придумал для меня в прошлом месяце, заставило меня улыбнуться.

– Я могла бы спросить тебя о том же, *дорогой*.

Люсифер засмеялся. Это был замечательный, беззаботный смех. Свободный смех. Наконец-то он был свободен!

Мы молча стояли у релинга и наслаждались тишиной, прерываемой лишь мерным шелестом океана. Внезапно из моего рта вылетели три слова, прежде чем я успела передумать. Впрочем, в этом и не было необходимости, потому что я имела в виду каждое из них, до последней буквы.

– Я люблю тебя.

Я говорила ему эти слова и раньше, еще тогда, на поле битвы, когда он чуть было не пожертвовал собой. К тому времени, однако, он был скорее мертв, чем жив, и я не знала, помнил ли он о них. Я хотела произнести эти слова и до войны, но так и не нашла подходящего момента. Что ж, теперь момент был более чем подходящим.

Люсифер повернулся ко мне с выражением удивления, радости и симпатии:

– Что, прости?

– Я люблю тебя, – повторила я с улыбкой.

Он недоверчиво посмотрел на меня, словно не ожидая, что кто-то в этом мире вообще может его полюбить.

Но я действительно любила его. Любила всем сердцем. Потому что он всегда был рядом со мной, потому что он защищал меня, несмотря ни на что; потому что он знал меня лучше, чем я сама себя знала. Потому что он понимал меня без слов.

Я хотела объяснить ему все это... все это и еще многое другое, но к тому времени он уже наклонился вперед и коснулся своими губами моих. Поцелуй был одновременно нежным и диким, кротким и страстным, мягким и жестким. Он был светом и тьмой, сиянием и тенью, Люцифером и мною.

Закрыв глаза, я наслаждалась вкусом его губ, вдыхала его запах и чувствовала его руки на спине и в волосах. Мы слишком быстро отпрянули друг от друга, и я с удивлением обнаружила, что задыхаюсь. Я засмеялась, но взгляд Люцифера внезапно погрустнел.

– Я тебя не заслуживаю. Ты слишком хороша для меня, – хрипло прошептал он.

Что? Что? *Нет, серьезно?*

Я взяла его лицо в ладони и заставила его посмотреть в мои яркие глаза.

– Ты заслуживаешь меня, – сказала я настойчиво. – И я заслуживаю тебя. После всего, что мы пережили вместе, после всего, через что нам пришлось пройти, после всех взлетов и падений наша любовь – наименьшее из того, что мы заслуживаем. МЫ – ДРУГ ДРУГА – ЗАСЛУЖИЛИ.

К моему облегчению, он кивнул, и по его лицу расплылась самая прекрасная улыбка, которую он когда-либо дарил мне.
— Я тоже люблю тебя, Огнесолнышко.

Если не считать Серафины, кают-компания все еще пуствовала. Рыжая повариха уже готовила завтрак и с благодарностью отказалась, когда я предложила ей свою помощь. Затем по трапу поднялись сонный Уилл и ворчливый Гордон. Уилл прошлой ночью не пил, — ему ведь было всего четырнадцать, — и все же я дважды поймала его на том, как он подносил к губам стакан Серафины, думая, что его никто не видит.

Мы уселись за стол, и я, хотя была совершенно не голодна, все-таки съела теплую булочку с вареньем, чтобы не обидеть Серафину.

В какой-то момент в кают-компанию подвалили и Эш с Грейс, а Астра притащила за собою сонного Леннокса. Морган с Калемом явились последними — и, хотя был уже полдень, под глазами у них залегли темные круги. Как же долго они еще гуляли вчера — или, лучше сказать, сегодня?

После завтрака я снова вышла на палубу и огляделась. Ветер переменился и теперь дул с запада, так что паруса опять были подняты. Они наполнились ветром, и корабль понемногу пришел в движение. Гордон стоял за штурвалом и радостно насвистывал.

В этот момент Астра пронеслась мимо меня, перегнулась через релинг и извергла только что съеденный завтрак в пенящиеся воды океана. Обеспокоенная, я поспешила к ней:

– С тобой все в порядке?

Она подняла голову; ее щеки позеленели.

– Думаю, у меня морская болезнь, – выдохнула она, прежде чем снова наклониться над водой и выплеснуть в волны новый поток рвоты. Океан не был бурным, но неровных волн, покачивавших корабль взад и вперед, было явно достаточно, чтобы Астру рвало в течение всего следующего часа.

Если бы у сестры Люсифера были длинные волосы, я наверняка отвела бы их с ее лица, а так мне оставалось лишь успокаивающе гладить ее по спине. Астра отвечала на это сердитым шипением, прежде чем снова и снова наклоняться вперед, кашляя и задыхаясь. Когда она немного пришла в себя, я отправила ее к Серафине, чтобы она могла попить воды и отдохнуть.

Сама же я решила использовать сегодняшний день, чтобы лучше узнать команду «Скарлетт» – и начала с капитана. Гордон возвышался у штурвала, твердый, как скала, не отводя взгляда от зеленых волн. Не было никаких сомнений в том, что это – прирожденный морской волк.

Я встала рядом с ним и глядела на его руки, свободно лежавшие на деревянном колесе штурвала. Мне снова бросилось в глаза множество колец на его пальцах, разных разме-

ров и форм, но все железные.

— Они что-то означают? — спросила я, указывая на его руки.

Гордон хмыкнул в знак согласия.

— Вот это кольцо, — и он показал мне на указательном пальце правой руки особенно красивый экземпляр, покрытый декоративными гравировками, — подарила мне мать незадолго до того, как покончила с собой. С тех пор я покупал по новому кольцу после каждого путешествия — как в память о матери, так и напоминания ради, что я не перестану плавать, пока что-нибудь не открою. А затем, — он улыбнулся, — уж и подавно не перестану.

Капитан посмотрел на меня. Я не ожидала, что за его кольцами скрывается такой глубокий смысл, и продолжила свой допрос:

— А что, если мы что-нибудь обнаружим во время этого путешествия? Тогда ты перестанешь их покупать?

— Отнюдь, — ухмыльнулся Гордон, — только тогда они будут золотыми, а не железными. — Он чуть склонил голову. — А что насчет тебя? Что для тебя самое ценное?

О, это был простой вопрос.

— Мой меч, — быстро ответила я.

— Можно на него взглянуть?

Я кивнула — и, сходя в свою каюту за мечом, передала его капитану. Он погладил блестящий металл лезвия и рукоять, покрытую тонкими линиями, между которыми сверкали ру-

бины.

– Дорогая штука, правда? – наконец сказал он, возвращая мне меч.

Я покачала головой:

– Стоимость его для меня не играет роли. Я никогда не продам его, даже если окажусь невероятно бедна и от этого будет зависеть вся моя жизнь. – Вчера вечером я упомянула, что больше не могу лгать, поэтому Гордон знал, что я говорю правду. – Мой брат Леандер подарил мне его на мой десятый день рождения, после того как, презрев запреты матери, обучил меня боевому искусству. Я всем ему обязана. А теперь он мертв.

Я сглотнула комок, появившийся в горле при этих словах, и усилием воли изгнала из мыслей бездну, таившуюся внутри меня.

– Мне очень жаль. – Гордон приложил руку к сердцу и ненадолго закрыл глаза. Я не была уверена, означал ли что-нибудь этот жест, и просто благодарно кивнула, прежде чем отнести меч обратно в каюту.

Вернувшись на палубу, я увидела Грейс, которая опустилась на доски с кистью в левой руке и яркой палитрой с красками в правой. Присев рядом с ней, я смотрела, как она задумчиво рисует на дереве синие волнистые линии. Через некоторое время я поняла, что именно она рисует – невероятной красоты бабочку со сломанным крылом, а рядом с ней маленькую девочку, которая его зашивала.

Я знала, что бабочка, конечно, не переживет прикосновения девочки, что такое невозможно проделать даже с помощью острейшей из игл и тончайшей из шелковых ниток, — но именно это и делало картину Грейс столь особенной. У нее был настоящий дар придумывать что-то сверхъестественное, а затем переносить это на холст. Или, как в данном случае, на дерево.

Некоторое время я смотрела молча, прежде чем спросить: — Где ты научилась так рисовать?

Художница вздрогнула, как будто только сейчас заметила меня. Я поспешно извинилась, но она лишь отмахнулась:

— Не вини себя. Я часто бываю настолько поглощена работой, что все вокруг отходит на второй план. Прости, что ты спросила?

Я повторила свой вопрос, и Грейс улыбнулась. Лицо ее слегка погрустнело.

— Я начала рисовать еще в детстве, — сказала она. — Сначала только руками, затем углем — и наконец, когда я накопила достаточно денег, кистями.

Она, должно быть, выросла в бедной семье, если у нее не было денег на кисти. Мне захотелось услышать ее историю, но она и так уже продолжала рассказывать:

— Раньше я сама смешивала краски. Теперь я перед каждым путешествием покупаю их в магазине в квартале художников в Адрии. — В ее взгляде появилось что-то мечтательное, когда она добавила: — Что бы я не отдала за то, чтобы

у меня появился в этом квартале собственный магазин...

Я тайне пообещала себе однажды исполнить для Грейс это ее желание, но вслух произнесла нечто другое:

– Я хочу этому научиться.

– Чему научиться? – она непонимающе чуть склонила голову.

– Я хочу научиться рисовать.

Грейс сказала, что когда рисует, то забывает все вокруг и сосредотачивается только на своем искусстве. Если это правда, я тоже хотела бы иметь возможность так поступать. Отключаться. Отрешаться.

Забывать...

Было только одно занятие, во время которого я чувствовала нечто подобное. Во время сражений мой мозг отключался, и я полагалась только на свои чувства. Но я не хотела причинять кому-либо вред ради собственного блага.

– Я хочу научиться рисовать, – повторила я. – Неважно, сколько на это потребуется времени. Неважно, насколько хорошо я в этом деле преуспею. Я просто хочу попробовать.

Грейс кивнула в знак понимания.

– Подожди здесь, я сейчас вернусь, – велела она мне и исчезла за дверью под кормовой надстройкой. Вскоре она вернулась, держа под мышкой блокнот и угольные палочки. Блокнот она вручила мне: – Держи.

Я взяла его. Блокнот, обтянутый коричневой кожей, показался мне удивительно легким. Я раскрыла его. Все стра-

ницы были чистыми и белыми.

– У меня есть такой же, – объяснила Грейс, вытаскивая красный блокнот из складок юбки.

Она открыла его и пролистала. Блокнот был полон черно-белых набросков, и я была уверена, что смогу найти некоторые из них в цвете где-нибудь на «Скарлетт».

– В этот блокнот я зарисовываю все, что приходит мне в голову и что хочется немедленно воплотить. Я запечатлеваю свои мысли до тех пор, пока картина не станет идеальной, именно такой, какой я ее себе представляю; только потом с помощью красок я переношу ее на дерево. В этом блокноте ты сможешь воплотить в жизнь свои идеи, а когда достаточно набьешь руку, чтобы быть по-настоящему довольной своим искусством, то сможешь начать рисовать красками и кистью.

Теперь я увидела блокнот совсем другими глазами. Он мог стать моим убежищем. С этим блокнотом я могла быть полностью предоставлена самой себе, никому не причиняя вреда. Могла изгнать из головы все дурные мысли, не держа в руке ни меча, ни ножа.

– Спасибо.

– Э, нет. Мы совсем еще не закончили! – широко улыбнулась Грейс – и внезапно перестала быть той застенчивой девушкой, с которой я познакомилась вчера, а превратилась в мою новую наставницу.

Следующие два часа она рассказывала мне о различных

видах угольных палочек и о том, как ими пользоваться. Палочки обладали разной степенью твердости и потому давали разные оттенки серого. Более светлые палочки использовались для грубого наброска, а более темные – для того, чтобы обвести готовый набросок и заштриховать его, пока он не станет идеальным.

Наконец я начала рисовать. Я выплеснула на бумагу первое, что пришло мне в голову, и вскоре увидела лицо – кривое лицо с косым носом, неровными глазами и искривленным ртом. Я замышляла нарисовать Люсифера, но готовое лицо выглядело какой-то карикатурной гримасой. Увидев его, Грейс засмеялась:

– Тебе нужны пропорции, но главным образом – практика, практика и еще раз практика. Не стоит сразу начинать с лица, особенно если оно принадлежит конкретному человеку. Даже если ты думаешь, что знаешь человека досконально, до самой последней морщинки, тебе все равно следует сидеть напротив него, когда ты пишешь его портрет. Лучше всего начать с чего-нибудь легкого.

Ладно, с легкого так с легкого. Я нарисовала дерево – и на этот раз получилось куда лучше. Грейс давала мне полезные советы где только могла. Она посоветовала мне сделать отметки, чтобы рисунок не стал слишком большим или слишком маленьким, а также начать со ствола, затем перейти к крупным веткам и только в конце нарисовать маленькие веточки и листья.

Держать угольную палочку в руке было несколько неудобно; она была тяжелее и толще пера и требовала другого давления. Мои штрихи тоже выходили длинными, неровными и часто косыми и кривыми. Грейс посоветовала мне наносить более мелкие штрихи, которые совсем необязательно должны идеально переходить друг в друга – в конце концов, все образуется. Она оказалась права. Когда мой набросок был закончен, дерево выглядело совсем не так ужасно. Не совсем как настоящее, конечно, но вполне узнаваемо. Это была береза с поникшими ветвями.

– Для начала неплохо, – похвалила меня Грейс. – Но помни, самое главное – практика и терпение.

Я серьезно кивнула. У меня было достаточно времени, чтобы практиковаться, и я преисполнилась решимости добиться того, чтобы под конец путешествия не раздумывая изливать на бумагу всю свою душу.

Еще раз поблагодарив Грейс, я вернулась в чрево корабля, чтобы отнести в каюту свои новоприобретенные рисовальные принадлежности. На сегодня я нарисовалась достаточно. У меня болело запястье, а кроме того, я действительно намеревалась получше узнать команду. Эту цель я отнюдь не упускала из виду. Пока что я уже познакомилась поближе с Грейс и Гордоном – но на корабле еще оставалось достаточно не узнанных мною людей.

Я собиралась уже подняться через кают-компанию обратно на палубу, когда заметила юношу, сидевшего в одной

из оконных ниш в задней части помещения. Пока мы с Грейс рисовали, солнце пробилось сквозь темные облака и теперь светило через иллюминаторы по мою правую руку на длинные золотистые волосы Калеба. Они были темнее, чем у его брата, но все равно по праву могли считаться блондинистыми.

Кaleb даже не поднял глаза; он, вероятно, был слишком поглощен чтением. Кинув взгляд на обложку, я не смогла сдержать улыбки. Он читал мою любимую книгу.

Книга эта называлась *«Танец смерти»* и повествовала о храброй крестьянке, которая пошла на преступление, дабы защитить свою дочь, а затем была предана своими же друзьями. Ее должны были повесить на глазах у всего города, но ей удалось вовремя бежать. У меня был с собой экземпляр из библиотеки Белого дворца, но я не успела дочитать его, хотя мне осталось совсем немного страниц. Кaleb же, казалось, только начал читать роман.

– Захватывающая вещь, не правда ли?

Кaleb, вздрогнув, вскочил на ноги. Я засмеялась.

– Черт побери, как ты меня напугала! – выругался он.

Я подошла к нему поближе:

– А я и не знала, что ты любишь читать.

– Мы ведь знакомы только со вчерашнего дня, – ответил он.

Надо же, а я об этом почти забыла! Я уже так хорошо обжилась на корабле, что на мгновение совершенно упустила

из виду, насколько мало мне известно о команде. Что ж, это можно будет исправить.

Я уселась в нише рядом с Калебом и устроилась поудобнее на мягких подушках.

– И все эти книги принадлежат тебе? – спросила я, обводя рукой огромные полки около стены.

– Так оно и есть, – сказал Калерб с гордостью.

На его месте я бы тоже гордилась. Я любила книги, но хотя в Белом дворце имелась целая громадная библиотека, у меня никогда не было ни одной собственной книги, той, которая действительно принадлежала бы только мне. Библиотека была открыта для всех жителей дворца, даже для простых слуг.

– Значит, ты в свободное время читаешь? – не отставала я.

– А разве это плохо?

Я поняла по его ухмылке, что ему ни капельки не стыдно. Тем не менее читающий юноша показался мне достаточно необычным явлением. Большинство мужчин, которых я знала, проводили все свое свободное время в драках и пьянках, но не читали. А если им и приходилось читать, то не на досуге и ради удовольствия, а совсем по другим причинам.

– Я тоже люблю читать, – призналась я и встала, чтобы пройти к впечатляющей книжной полке. Кончиками пальцев я провела по ярко раскрашенным книжным корешкам. Их, должно быть, здесь сотни!

– Откуда у тебя все эти романы? – осведомилась я. Здесь действительно стояли одни лишь романы. Ни научной лите-

ратуры, ни книг по истории, ни энциклопедий, ни сборников стихов. Только романы. Приключенческие романы, любовные романы и сказки. Точно на мой вкус!

Я вытащила книгу в темно-синем кожаном переплете. На обложке витыми золотыми буквами было выведено название «*Шепот океана*». Я просмотрела краткое содержание и повернулась к Калебу:

– Могу я взять ее почитать?

– Конечно, – коротко ответил он. – Книги здесь именно для этого.

Улыбнувшись, я устроилась поудобнее на широком подоконнике и начала читать; взгляд мой скользил наполовину по буквам, а наполовину по сверкающей глади океана. Прошло два часа, которые мы провели в приятном молчании, и я «проглотила» относительно тонкую книгу. Поставив ее обратно на полку, я скрылась на мгновение в своей каюте, чтобы принести оттуда библиотечный экземпляр «Танца смерти».

Калёб тем временем дочитал примерно до того же места, где остановилась и я. На этот раз он поднял глаза, когда я снова вернулась в кают-компанию. Я показала ему свой том и объяснила, что это моя любимая книга. Он усмехнулся, и вскоре после этого мы уже обменивались мнениями о различных персонажах, объясняли друг другу, кто из героев нам больше всего или меньше всего понравился, ругались из-за того, что иногда не сходились во мнениях, и пытались

угадать, чем же книга закончится.

Калевб подозревал, что у романа будет плохой конец, но я возражала, потому что принимала судьбу главной героини очень близко к сердцу. Она заслужила счастливый конец, и автор просто обязан был это учесть! После всех обсуждений и смешков, во время которых не было прочитано ни одной страницы, мы наконец открыли книги, чтобы увидеть, кто из нас окажется прав.

Еще через час я в отчаянии закрыла свой том. Калевб чувствовал себя не лучше. Разочарованно выругавшись, он громко захлопнул книгу. Роман закончился на самом интересном месте, а второго тома нам придется ждать до следующей весны!

Пока мы горько жаловались друг другу на этакую наглость, в кают-компанию вошли Астри и Люцифер.

Поскольку солнце выглянуло из-за облаков, а ветер стих, корабль теперь раскачивался намного меньше, и Астри, казалось, чуть-чуть пришла в себя. Кожа вокруг ее носа была куда менее зеленой, чем сегодня утром. Она слегка прищурилась, услышав, как мы с Калевбом что-то возбужденно обсуждаем с книгами в руках.

– Что здесь происходит? – захотел узнать Люцифер. После того как я объяснила ему причину нашего разочарования, он лишь с улыбкой покачал головой.

– Эй, это серьезная проблема! – в унисон рявкнули мы с Калевбом и в следующий момент оба громко прыснули.

Самое позднее в эту секунду я окончательно поняла, что младший брат Леннокса так же мил в общении, как и сам Леннокс. Он был другим по характеру, но мог стать мне столь же хорошим другом. Я с нетерпением ожидала всех тех дней, когда буду читать здесь вместе с Кэлом – теперь я называла его прозвищем, к которому уже успела привыкнуть.

Постепенно в кают-компанию подтянулась и остальная команда, потому что темнело, а Серафина уже приготовила еду. Как же быстро пролетел день!

На ужин сегодня был острый суп с тушеной олениной и бобами – и лучше супа я в жизни не пробовала⁶. Без рома сегодня тоже не обошлось, хотя мы и пили несколько меньше, чем вчера. После одного стакана я отказалась от дальнейшей выпивки. Мы болтали о прошедшем дне, о погоде и о наших мореходных успехах.

– Сегодня мы прошли большое расстояние, потому что ветер был свежий и дул в верном направлении. Завтра пого-

⁶ Для описания этого кушания здесь и далее автор использует слово Eintopf. Тем не менее оно показалось мне слишком континентально-европейским. **Айнтопф** (нем. букв. «один горшок», обед из одного блюда, густой суп) – блюдо немецкой кухни, заменяющее собой первое и второе блюда. В этом блюде варятся в одной емкости, на воде или бульоне, практически все находящиеся под рукой продукты – овощи, бобовые, крупы, хлеб, макаронные изделия, мясо, копчености или другие мясные продукты, а иногда даже рыба или сардельки. Отлично вписываются в суп грибы и зелень, а также макаронные изделия и сухарики. Считается, что айнтопф имеет крестьянское происхождение. Традиционно его готовят не только в Германии, но и в Бельгии (часто со светлым пивом), Испании, Франции, Венгрии.

да должна стоять хорошая, зато почти безветренная, – предрек Гордон. Я не знала, на основании чего он пришел к такому выводу, но у опытного мореплавателя наверняка были для этого свои возможности.

– Слава Богине! – вырвалось у Астры, обрадовавшейся будущему безветрию – и, соответственно, меньшей качке. Каждаго, кто улыбнулся, она пронзила испепеляющим взглядом.

Когда мы закончили есть, Морган снова принесла из чрева корабля инструменты и села на пол вместе с Кэлом и Уиллом. Они начали играть. Музыка вновь очаровала меня уже после первых нескольких нот. Я не знала этой песни и не обращала особого внимания на текст, хотя на этот раз он был написан на современном, а не на древнем языке.

Вместо этого я сосредоточилась исключительно на красивом, слегка хриловатом голосе Морган, от которого у меня поднялись волосы на руках и который столь резко контрастировал с прекрасной медленной мелодией. Когда песня закончилась, мне было почти грустно, но я все равно аплодировала как сумасшедшая.

После этого трио музыкантов снова сыграло известные народные или детские песни, которым любой из нас мог подпевать – кроме Эша, вновь молча стоявшего в углу. Наконец, когда снаружи уже царила крошечная темень, Морган завела старую матросскую песню. Песня была незнакома мне, но захватила меня с первой же ноты. Уилл барабанил медленно и ровно, Кэл издавал с помощью варгана странные за-

ывания, а Морган лишь изредка нежно проводила пальцами по струнам своей древней лютни.

Морган пропела первые куплеты еще громче обычного, мощно и ритмично; эта песня, с ее ровным тактом, наверняка служила помощью и развлечением многим портовым рабочим и морякам. Через некоторое время к Морган присоединился и Гордон, и они вдвоем выкрикивали эту песню. Их голоса идеально дополняли друг друга и по высоте, и по громкости.

На этот раз я тоже не обращала особого внимания на текст (что-то о мореплавателях, которым приходилось сражаться с ужасающими чудовищами в поисках незнакомых континентов и чужеземного рома). Эта песня тоже закончилась слишком быстро, и Морган снесла инструменты вниз.

Мы еще немного поговорили о том о сем, и я опять обратила внимание на Эша, который не сидел за столом вместе с остальными, а все время оставался в тени. Почему для всех казалось столь естественным, что он не принимал участия в жизни команды, а просто присматривал за Грейс, точно ангел-хранитель?

Даже сегодня, во время занятий рисованием, я чувствовала, как он наблюдает за мной, но не доставила ему удовольствия, показав свой дискомфорт. Было очевидно, что я ему не нравлюсь. Всякий раз, когда Эш думал, что я не вижу, он смотрел на меня с неприкрытой враждебностью. Что же я наделала, что он так меня возненавидел?

В нужное время я вызову его на разговор. Может быть, лучше будет сначала порасспрашивать о нем других. Я не испытывала перед Эшем страха, но видела, как что-то серебристое то и дело вспыхивает в рукаве его плаща. Прежде чем поговорить с ним, я хотела точно знать, с кем имею дело.

Через некоторое время я, распрощавшись со всеми, отправилась спать. Люцифер предложил меня проводить. Спустя некоторое время я, уже переодевшись, сидела на своей койке; Люцифер устроился рядом.

– Я не видела тебя почти весь день. Расскажи мне немного, чем ты занимался, – попросила я его.

Я чувствовала себя усталой, но действительно провела с ним сегодня совсем мало времени и хотела уделить ему немного внимания, прежде чем заснуть. Взмахом руки я зажгла свечи на полке, висевшей над моей кроватью, а затем уютно прислонилась к Люциферу.

– Я делал то же самое, что и ты, – ответил он. – Знакомился поближе с командой и пытался со всеми подружиться.

Он рассказал о потрясающей Морган, о любопытном Уилле и об услужливой Серафине. Кроме того, он также поговорил с Грейс и Каледом – и, конечно же, с Гордоном. Я хотела спросить его, не завел ли он разговор с Эшем, и поведать ему о постоянно направленных на меня враждебных взглядах последнего, но для такого глубокого разговора я действительно слишком устала.

Тем не менее я вкратце рассказала ему о своем дне. О том,

что значили кольца Гордона, о моем стремлении научиться рисовать под руководством Грейс и о том, как я часами читала вместе с Каледом. Мои глаза почти уже закрылись, и я смогла лишь пробормотать, что завтра постараюсь лучше узнать Морган и Уилла.

Люсифер сказал что-то, что я уже не расслышала, и встал. Он помог мне поудобнее улечься в постель и поцеловал меня в лоб, прежде чем шепотом пожелать мне спокойной ночи и выйти из каюты. Ласковое покачивание волн убаюкало меня, и я почти сразу скользнула в страну сновидений.

Глава 4

Я спала до половины одиннадцатого, а затем наконец встала, оделась и быстро позавтракала. Все остальные уже поели и рассыпались по всему кораблю. Когда я как раз заглатывала последний кусок, в кают-компанию вошел Кэл.

– Хочешь почитать? – поприветствовал он меня.

– Всегда, – усмехнувшись, ответила я, отнесла грязную посуду на камбуз и присоединилась к нему перед огромной книжной полкой.

– Думаю, вот это тебе понравится, – сказал Кэл, вытаскивая с полки толстую, ржаво-красную книгу.

Я прочла заголовок, просмотрела краткое содержание и с сомнением взглянула на него:

– Печальная история любви? Меня скорее интересует что-нибудь приключенческое.

Он пожал плечами и поставил роман на место.

– А как насчет такого: каждый из нас начинает книгу, а затем, дочитав до половины, мы меняемся? Потом обсуждаем, какая книга лучше, и вместе дочитываем ее до конца?

Предложение звучало многообещающе. Я кивнула, и следующие десять минут у меня ушли на поиск подходящего романа.

Мы провели остаток утра за чтением, прежде чем наконец поменяться томами, чтобы на следующий день нырнуть в книгу, уже прочитанную до половины другим. Простившись с Кэлом, я вышла на палубу. Яркое солнце ослепило меня, но я вызывающе посмотрела на светило и ослепила его в ответ.

Я огляделась по сторонам. Ветер и вправду утих, поэтому паруса были спущены. Идеально гладкий океан отражал солнце и зеркалил небо. Позади себя, на приподнятой над главной палубой надстройке, я слышала лязг металла о металл, обернулась, пораженная – и увидела, как Астра и Леннокс медленно кружат друг подле друга. Астра держала в руке сверкающий меч, Леннокс – в каждой руке по огромному изогнутому кинжалу.

В этот момент Астра прыгнула вперед, сделала ложный выпад в сторону правого бока Леннокса, а затем выбила один из кинжалов у него из руки. Ударом ноги она отбросила кинжал вне зоны досягаемости своего противника и криво ухмыльнулась.

– Никогда не пренебрегай защитой! – принялась поучать она своего друга.

Леннокс ответил на это рычанием. Он прыгнул вперед, но Астра молниеносно развернулась и снова появилась по-

зади него. Леннокс сделал вид, что безмерно удивлен, но его выдавала еле заметная ухмылка. Астра набросилась на него сзади, но в последний момент он уклонился, подставил ей ножку и поймал ее, прежде чем она упала на палубу. Второй его кинжал касался ее шеи. Леннокс прошептал Астре что-то на ухо, отчего та фыркнула, а затем помог ей встать.

Уилл и Серафина, которые стояли у релинга и напряженно наблюдали за поединком, зааплодировали. Я отвернулась, усмехаясь про себя. У меня не было ни малейшего сомнения, что Леннокс скоро сполна заплатит за свою дерзость. Астра очень не любила проигрывать, а необходимость выслушивать после поражения насмешливые комментарии от своего парня отнюдь не улучшала ситуацию. Я втайне помолилась за Леннокса, когда Астра, схватив его за рубаху, стащила его по ступенькам вниз и поволокла по главной палубе.

Некоторое время я смотрела им вслед, а затем перевела взгляд на релинг, к которому прислонилась Морган, уставившись на лазурный океан. Я присоединилась к ней и вновь поразилась ее неземной красоте. Не будь мы на корабле, я подумала бы, что рядом со мною стоит королева – не столько даже из-за красоты, сколько из-за осанки. Она двигалась, как вода, текуче и на удивление изящно.

То, как она прислонилась к релингу, чуть подняв подбородок, подтянув плечи и слегка скрестив ноги, также выглядело невероятно элегантно. Даже моя высокомерная сестра не умела так двигаться. Морган была просто потрясающей.

Мой взгляд скользнул по ее широким льняным брюкам, темно-розовой шелковой рубашке без рукавов и ниспадавшим до самой талии волосам, сиявшим на солнце. Морган повернулась ко мне, и ее шоколадно-карие глаза весело заблестели:

– Да ты никак на меня пялишься?

Она улыбнулась; ее белые зубы сверкнули на солнце. Так как я не умела лгать, то уклончиво ответила:

– А что, это плохо?

Теперь Морган засмеялась.

– Думаю, ты мне нравишься, – сказала она, и мне стало очень тепло на душе.

– Ты потрясающе поешь, – услышала я свой собственный голос. Я нечасто раздавала комплименты, но Морган их заслужила.

Вместо ответа она снова перевела взгляд на океан. Ее безупречная кожа мерцала на солнце золотисто-коричневым оттенком. Я не знала, загорала ли она каждый день или же ее более темный оттенок кожи был врожденным – но, как бы то ни было, я ею восхищалась. Моя собственная кожа оставалась бледной, хотя я каждый день бывала на свежем воздухе.

Морган все еще не ответила на мой комплимент. Она продолжала задумчиво смотреть на воду.

– Я слышала в жизни много комплиментов моему голосу, – заговорила она в какой-то момент. – Не думаю, что заслужила их. Я родилась с этим голосом и вовсе не училась

пению, а умела петь уже с самого раннего детства. Мой голос – иногда подарок, иногда благословение, но чаще всего проклятие.

Запнувшись, она снова посмотрела на меня:

– Считаю особым знаком доверия то, что я рассказываю тебе о своем детстве. Вообще-то я не люблю о нем говорить.

– Видишь, вот у нас и нашлось что-то общее, – ответила я и ободряюще улыбнулась ей.

Морган кивнула и снова отвернулась в сторону океана.

– У меня было прекрасное детство. По крайней мере, до двенадцати лет, – продолжала она. – Я никогда не видела своего отца, потому что тот ушел от матери еще до моего рождения. Зато моя мать была самой великой женщиной, которую я когда-либо встречала, – сильной, любящей и невероятно умной. Она была моим самым любимым человеком на свете.

Морган грустно улыбнулась. Она говорила о своей матери в прошедшем времени. Что-то случилось с ней, что-то такое, что в итоге привело Морган одну на этот корабль.

– Моя мама любила меня больше всего на свете, и больше всего ей нравилось мое пение. Она всегда хотела, чтобы я ей пела, и я никогда ей не отказывала. Ее собственный голос был слабым и ломким, и вскоре я поняла, что она мечтала о таком мощном голосе, как у меня. Чтобы она была счастлива, я всегда пела ей, когда бы она ни попросила. В свою очередь, она заботилась обо мне, работала и зарабатывала

нам на жизнь. Она была портнихой и шила платья для высшего общества Адрии.

Когда я стала постарше, то попросила позволить помочь ей и тоже заработать денег, потому что заметила, что она приходила домой каждый вечер измученная и совершенно выжатая. Она, однако, каждый раз отказывалась. Когда же я стала настаивать, она преподала мне самый важный урок, который я когда-либо слышала из ее уст. Я помню каждое слово этой речи.

– *Послушай меня, Морган, – сказала она. – Мы, двое, мы здесь чужие. Наши предки – по крайней мере, несколько поколений назад – произошли не отсюда, и поэтому к нам относятся по-другому. Люди видят нас, видят нашу более темную кожу – и ненавидят нас за то, что мы не такие, как они сами. А поскольку их большинство, они думают, что они лучше нас, что их кровь чище нашей крови. Я работаю, потому что должна зарабатывать на жизнь – но, будь у нас достаточно денег, я немедленно прекратила бы работать. Им удалось меня сломать, но я не хочу, чтобы с тобой случилось то же самое. Вот почему я буду заботиться о тебе, покуда хватит моих сил.*

Ты же, когда достаточно повзрослеешь, выйдешь на улицу и начнешь петь. Я хочу, чтобы мир увидел тебя и услышал, как ты поешь. Ты очаруешь их. Они должны будут понять, что мы не просто люди иного цвета кожи, которым здесь не место, а гораздо большее. Мы не такие, как

они, — но мы, тем не менее, тоже люди. Когда они не будут тебя принимать, ты должна сопротивляться. Когда же они наконец увидят в тебе человека, ты улыбнешься им, направишься к ним с высоко поднятой головой и продемонстрируешь им и свое обаяние, и свое превосходство. Потому что ты, дитя мое, настоящее чудо с необыкновенным даром. Мир должен признать тебя такой, какая ты есть.

— В тот же день, — продолжила Морган, — мама вышла на работу — и больше не вернулась. Не знаю, что точно произошло, но я обнаружила ее тело в грязной канаве рядом со швейной мастерской, где она работала. Должно быть, хозяева мастерской надругались над ней, а затем убили, чтобы замести следы.

Я плакала три долгих дня, прежде чем расправить плечи, взять из ее спальни лютню, которую она мне подарила на двенадцатый день рождения, и выйти на улицу. Моя мать была права. Теперь, предоставленная самой себе, я стала замечать многое из того, чего не замечала раньше. Когда я шествовала по улицам, люди смотрели на меня как на чужачку. Конечно, я могла бы содрогнуться от страха и укутаться в плотное покрывало, чтобы скрыть свою смуглую кожу, но я по натуре не такая. Мама сказала, что я должна показать людям, из какой породы я сделана. И вот я села на обочине дороги, достала лютню и начала играть.

Я зарабатывала этим на жизнь три года и вскоре стала настолько богатой, что могла позволить себе покупать доро-

гую одежду. Возможно, я могла бы купить себе и новую лютню – но предпочла сохранить инструмент моей матери, потому что это было единственным, что осталось у меня от этой гордой женщины.

Остальное я уже знала. Морган была обнаружена Гордоном, который и взял ее на корабль.

Я сглотнула. Похоже, у каждого члена команды имелась своя особая история, но история Морган определенно была одной из самых ужасных. Ее мать была убита из-за цвета своей кожи. Сама же Морган не сломалась, с умом используя свой талант и обворожив весь мир.

Я смотрела на своего нового кумира – и не находила слов. Глаза Морган блеснули. Я распахнула объятия и прижала ее к себе.

– Мне так ужасно жаль, – прошептала я, хотя этих слов было явно недостаточно.

Я была принцессой Лунарии, Королевой Света. Хотя Морган и жила в Сатандре, я не должна была позволять людям так обращаться с ее матерью! Надо было натравить на работавших в этой мастерской ублюдков мою мать, а еще лучше – Фрейю. Если бы я знала об этом раньше, то убила бы их собственными руками.

– А что случилось с мужчинами, учинившими такое с твоей матерью? – мягко спросила я, отпуская ее.

Лицо Морган потемнело. Неужели я задала неправильный вопрос?

Но она ответила:

– Как я уже сказала, музыка позволила мне заработать много денег. В основном я покупала на них украшения и одежду, потому что мама передала мне свою любовь к моде. Но когда мне было пятнадцать, я разыскала мучителей моей матери, проследила, где они жили, а затем заплатила наемному убийце, чтобы тот с ними расправился. – Она сглотнула. – Я ни о чем не жалею.

Это была сушая правда. Я чувствовала это каждой жилкой своего тела. Такова была часть моего дара.

Я долго смотрела на нее, прежде чем сказать:

– Я тоже убивала людей. Многих людей. Я сожалею о большинстве убитых, но вот одного солдата...

Я никогда никому об этом не рассказывала, даже Люсиферу – но теперь, когда Морган поведала мне все о своей ужасной юности, я сочла, что будет только справедливо раскрыть нечто сокровенное и о себе.

– Этот человек убил моего брата. Вонзил кинжал ему в спину, как последний трус. Я вышла из себя и отсекла ему голову. Об этом поступке я тоже сожалею, но иначе. Мне нужно было оставить его в живых. Я должна была *замучить до смерти* этого солдата, чтобы он почувствовал ту же боль, какую чувствовала я после смерти брата.

Итак, я наконец произнесла это вслух. Я должна была бы почувствовать облегчение, но вместо этого показалась себе чудовищем. Неужели я только что сказала *такое*? Я ожида-

ла, что Морган теперь почувствует ко мне отвращение, а то и станет меня бояться. Вместо этого я увидела в ее глазах одно лишь понимание.

– Никто не бывает совсем хорошим, – весело сказала она. – Мы все в той или иной степени чудовища.

– Нет, – возразила я. – Только не мой брат. Леандер был лучшим человеком на свете.

Морган ничего на это не ответила, поэтому мы молча стояли у релинга и смотрели на воду, внезапно показавшуюся мне намного темнее и глубже, чем несколько минут назад. В какой-то момент я нарушила молчание:

– С тобой и твоей матерью обращались как с чужаками, но вы вовсе не чужаки. Вы ведь с нашего острова, как и все остальные.

Морган покачала головой.

– Да, я родилась в Сатандре, да и мать моя тоже, но ее прапрапрадедушки с прапрапрабабушками прибыли издалека. Они жили в месте, называемом *Ориент*. Об этом давно забыли, и нет никаких карт или записей, описывающих, где находится этот чужестранный континент. Но я твердо уверена, что однажды найду свою родину.

Вот почему я вообще присоединилась к Гордону. Я буду плавать, пока мы не обнаружим какую-либо населенную страну. Даже если она и не окажется Ориентом, я буду искать его, пока не найду. А в Ориенте я познакомлюсь с такими же людьми, как и я сама. Я наконец узнаю о своем истинном

происхождении. Я надеюсь, что эта далекая земля все еще существует.

Я знала, что этот корабль был домом Морган, и знала также, что она любила его команду больше всего на свете. Но она хотела найти свою родину. Свою *настоящую* родину.

Я восхищалась ее решимостью и смелостью, и именно так ей и сказала. Морган грустно улыбнулась:

– Мне очень жаль твоего брата.

– Спасибо, я это ценю, – ответила я, прежде чем отвернуться. – Я обещала Грейс сегодня с ней еще немножко порисовать.

– Тара?

В устах Морган мое имя прозвучало приятно и значительно. Я снова повернулась к ней.

– Если тебе нечего надеть или нужен мой совет по вопросам моды, моя дверь всегда для тебя открыта.

– А если ты захочешь с кем-нибудь поговорить, то знаешь, где меня найти, – усмехнулась я.

Она с благодарностью кивнула, прежде чем я развернулась и отправилась на поиски Грейс.

Весь остаток дня я рисовала, на этот раз не дерево, а животное – а, если точнее, оленя. Я видела в жизни сотни оленей и большинство из них подстрелила, так что задание, ка-

залось, было совершенно не сложным. Вызвав в памяти оленя, я сосредоточилась на деталях, пока в голове моей не сложилась четкая картина.

Что ж, я ошибалась. Перенести эту картину из головы на бумагу оказалось вовсе даже непросто. После двух неудачных попыток, терпеливых советов Грейс и небольшого приступа гнева, из-за которого я нечаянно сожгла свои неудачные рисунки, с оленем наконец-то было покончено. Животное выглядело совсем не так, как в реальной жизни, – но его, по крайней мере, можно было узнать.

Я думала, что тяжелее всего мне будет нарисовать рога, но основные проблемы были с мордой: пропорции вышли неправильными, глаза неровными, а нос слишком длинным. Грейс тогда показала мне, как с помощью кругов и треугольников обозначить форму головы, а в конце просто стереть вспомогательные линии. Я попробовала снова, и теперь олень оказался действительно похож на оленя.

– Завтра мы будем рисовать то же самое животное с разных ракурсов, – объявила Грейс перед тем, как Серафина позвала нас на ужин.

Я застонала. Рисование доставляло мне удовольствие и отвлекало от невеселых мыслей, но было довольно утомительным занятием, а Грейс оказалась терпеливой, но гораздо более строгой учительницей, чем я того ожидала. Тем не менее я была благодарна ей за то, что она прервала свою собственную работу, чтобы помочь мне.

После того как мы все собрались в кают-компанию, Се-
рафина подала еду. На этот раз она сготовила новое блюдо
из всего оставшегося с прошлых двух трапез. Мясо и ово-
щи были обжарены и украшены зеленью, а к ним подава-
лись соленые огурцы и поджаренный хлеб. Просто, но вкус-
но и невероятно сытно.

Извинившись, я отлучилась по неотложному делу, но по-
сле похода в туалет не стала возвращаться в кают-компанию.
Теперь, когда меня больше ничего не отвлекало, мне нужно
было немного побыть наедине с собой.

Я вошла к себе в каюту и беспокойно зашагала взад
и вперед по тесному помещению, прежде чем наконец сесть
на койку и полезть в карман брюк. Достав оттуда смятый ли-
сток, я его развернула. Это был рисунок, который Леандер
в свое время подарил мне на мой восемнадцатый день рож-
дения. Я всегда носила его с собой, а ночью он лежал на ма-
ленькой тумбочке рядом с моей койкой.

Серый уголь был уже немного смазан, но я не решалась
снова прочертить рисунок. Я не стала бы трогать его и до-
бавлять к работе Леандера что-либо свое. Это был *его* рису-
нок. Это *он* работал над ним неизвестно сколько времени,
это *он* держал в руках этот неприметный листок бумаги, это
он сделал его совершенно особенным подарком.

Я потянула носом. Может, мне просто показалось, что
от рисунка все еще немного веяло запахом Леандера. О, как
я по нему скучала! Я скучала по нашим тренировочным по-

единкам, по нашим охотничьим набегам, даже по нашим спорам. Мне не хватало его сине-зеленых глаз, его золотистых волос, его замечательной улыбки. Мне было тяжело без его успокаивающих объятий, его уверенности, его опыта.

Я скучала по тому, как мы вместе с ним встречали первый зимний снег, как крались по дворцу, чтобы не быть обнаруженными матерью или Тессой, как поднимались на самые высокие горы и открывали для себя самые красивые места Лунарии. Я скучала по своему старшему брату куда больше, чем сама то осознавала.

Раздался стук в дверь. Я поспешно вытерла глаза. На кончиках моих пальцев осталось золото слез.

– Войдите! – крикнула я прерывающимся голосом.

Появился Люсифер:

– С тобой все в порядке?

Я поколебалась, но затем покачала головой. Я не могла отрицать, насколько мне грустно, да и не хотела.

Люсифер присел рядом со мной, и койка закричала под лишним весом. Он увидел лист в моих дрожащих руках. Я никогда раньше не показывала ему рисунок, но он сразу понял, кто был его автором. Люсифер осторожно взял лист из моей руки, аккуратно сложил его и положил на мою прикроватную тумбочку. Когда он вновь посмотрел на меня, я сморгнула слезы.

Некоторое время мы сидели молча, и я выдерживала его задумчивый взгляд. Посмотрев в его черные-пречерные гла-

за с алым мерцанием, я в них потерялась. Теперь, когда мои глаза сияли так же ярко, как само солнце, я буквально светила в самую глубь Люсифера каждый раз, когда глядела ему в глаза. Вот и этот раз не стал исключением.

Я стояла в туннеле, в черном бесконечном туннеле. Алые точки светлячками плавали вокруг меня. Они слабо светились, даже скорее мерцали. Мне было тепло, и тьма окутывала меня мягким одеялом.

Я любила это место. Оно было таким знакомым. Оно было моим убежищем.

Люсифер моргнул, и волшебный момент прошел.

– Тара, что происходит? – мягко спросил он.

Я вздохнула, зная, что мне не обязательно что-либо ему рассказывать. Он был самым терпеливым человеком на свете и никогда не заставил бы меня сделать что-нибудь против моей воли. Но, может быть, стоило бы открыться ему, как я открылась сегодня Морган? Я не хотела говорить с ним о Леандере, пока еще не хотела, но я смогу рассказать ему о разговоре с Морган, который все еще эхом звучал у меня в голове.

Мне не хотелось раскрывать секреты Морган. Она доверчиво поделилась со мной фактами из своей юности – и, хотя я и знала, что Люсифер никому ничего дальше не расскажет, я не хотела говорить ему о матери Морган или ее мести владельцам швейной мастерской. Вместо этого я поведала ему о предках Морган, о ее ощущении себя всем чужой, о стран-

ных взглядах, которые на нее бросали, а также о ее мечте обнаружить свою настоящую родину, таинственный Ориент. Я также рассказала Люсиферу, что восхищаюсь силой Морган.

Когда я закончила свое повествование, Люсифер долго молчал, прежде чем наконец вымолвить:

– Ты хочешь быть похожей на нее.

Я вопросительно посмотрела на него. Нет, не хочу! Я отнюдь не хотела, чтобы со мной обращались как с чужачкой.

Но Люсифер имел в виду вовсе не это.

– Если я правильно понял сказанное и недосказанное, то Морган потеряла кого-то, кто был для нее особенно важен – но, вместо того чтобы сдаться на милость судьбы, вышла на улицы и пела, пока люди не стали ею восхищаться и не перестали относиться к ней как к чужой. Она преодолела свою боль, перепрыгнула через собственную тень и построила для себя новую жизнь. Вот почему ты ей восхищаешься и вот почему хочешь, чтобы и тебе было так же легко преодолеть боль. Вот почему ты рисуешь вместе с Грейс. Вот почему ты на днях плакала, когда Морган пела.

Черт возьми, а я и забыла, насколько умен Люсифер. Потому что он был прав в каждом сказанном слове. Я поняла это лишь после того, как он облек в слова мои собственные чувства.

– Разве это плохо? – спросила я, сразу же возненавидев себя за свой дрожащий, неуверенный голос. – Разве это пло-

хо, если я хочу быть такой же сильной, как Морган?

Будь сильной. Таковы были последние слова Леандера. И я рассказала о них Люсиферу. Да должен же он меня понять, в конце-то концов!

И он меня понял. Люсифер всегда понимал меня, и я осознала это тем яснее с каждым последующим его словом.

– Я восхищаюсь твоим желанием быть сильной, – сказал он. – Но я также думаю, что тебе это будет сложнее, нежели Морган. Я не хочу этим сказать, что ей было легко, совсем нет. Но Морган не появляется в пророчестве, в котором говорится, что она убьет себя. В нем появляешься ты.

Я знаю, что ты не забыла о темном пророчестве, и я также знаю, что ты каждый день борешься, чтобы не потерять самообладание. Что ты каждый день стараешься не поддаваться грусти и пустоте и постоянно отвлекаться на другие вещи. Тара, тебе не нужно стараться быть такой же сильной, как Морган. Ты давно уже отнюдь не менее сильная.

Ты здесь, ты жива, ты всегда на месте для своих друзей и для людей, которые еще могут стать твоими друзьями. Вот почему я привел тебя на этот корабль. Я хочу, чтобы ты увидела, насколько ты сильна. Потому что ты помогаешь другим, потому что понимаешь их, потому что у тебя доброе сердце. Потому что ты ставишь благополучие других выше своего собственного и делаешь вид, что с тобой все в порядке, чтобы твои друзья о тебе не беспокоились.

Я знаю тебя. Я вижу тебя и твою боль. Но я также знаю,

что ты сильнее этого проклятого пророчества. Ты Тамара, Королева Света, и ты обещала бороться. Ты не нарушишь этого обещания, в этом я абсолютно уверен.

Я уставилась на него, потеряв дар речи. Люцифер был прав; мы действительно не заслуживали друг друга. По крайней мере, я *его* не заслужила. Он просто невероятно хорошо понимал меня; он точно знал, что сказать, чтобы я почувствовала себя лучше, и он до смерти серьезно относился к каждому сказанному слову. У меня снова выступили на глазах слезы, но на этот раз это были слезы благодарности.

Может, он был прав. Может, мне действительно не требовался образец для подражания. Может, я уже была достаточно сильна сама. Достаточно сильна, чтобы избежать участи, предначертанной мне пророчеством. Я не собиралась убивать себя, если это означало причинить Люциферу и всем, для кого я что-то значила, такую же боль, как та, что съедала меня изнутри.

Словно прочитав мои мысли, Люцифер добавил:

– Когда ты горюешь, это не слабость. Это просто показывает, как много для тебя значил Леандер. Пока горе не разъедает тебя дальше... – я услышала в его словах, что он знал, насколько горе разъедало меня в первые дни после смерти брата, – ...ты можешь плакать сколько хочешь. А если горе решит сожрать тебя, если бездна внутри тебя снова разверзнется и будет угрожать поглотить тебя, тогда я буду рядом.

Он и об этом знал. Он знал о черной бездне внутри меня

и о том, что я сломаюсь вконец, если рухну в нее. Он обо всем знал. Да и как могло быть иначе? Темное пророчество объединило нас, сделало нас родственными душами.

На этот раз я не смогла сдержать безудержных слез. Люцифер, не колеблясь ни секунды, обнял меня. Я уткнулась головой ему в плечо и плакала, пока корабль не окутала тьма. Затем мои слезы высохли, и рубаша Люцифера покрылась, словно доспехами, белым золотом.

– Я всегда хотел немного оживить эту рубашку новыми красками, – криво усмехнулся он.

Я тоже не смогла не улыбнуться – и почувствовала себя лучше. Я не стала благодарить Люцифера за его слова. Во-первых, я знала, что простого *спасибо* никогда не будет достаточно; во-вторых, для Люцифера было само собой разумеющимся поддерживать меня в такой момент, и моя благодарность только осрамила бы его.

Поэтому я просто объяснила ему, что попробую теперь заснуть и что он вполне может оставить меня одну. Люцифер только кивнул в ответ, коротко поцеловал меня и исчез.

Оставшись одна, я мысленно перебрала все, что он мне сказал, – и наконец-то заулыбалась. Я улыбалась в темноту, и улыбка моя была шире, чем за все последнее время. Люцифер всегда точно знал, как у меня дела, но он понятия не имел, сколько он на самом деле для меня значил.

Меня не сломит смерть Леандера.

Я буду рядом с теми, кто во мне нуждается.

Я сильная.

Я продолжала раз за разом повторять в голове эти предложения, пока наконец не уплыла в землю снов.

Глава 5

Было душно, и в воздухе сильно пахло железом. Я знала, откуда шел этот запах. Он поднимался от трупов людей, которых я убила, и от липкой крови на лезвии моего меча. Проведя пальцем по густой субстанции, я ее слизнула. Она была отвратительна на вкус.

Глаза мои скользнули по полю битвы. Повсюду – одни лишь трупы. Лишь немногие солдаты все еще держались на ногах; некоторые из них хромали, а другие прыгали на единственной оставшейся ноге. Ну и славно! Взгляд мой продолжал скользить по трупам, лежавшим вокруг. Они действительно выглядели ужасно. Перерезанные глотки, отрубленные конечности; некоторым я даже вырвала кишки – просто потому, что могла.

Они мерли как мухи. Ни у кого из них не было против меня ни единого шанса. На мне самой не осталось ни царапины, только одежда моя немного запыхлась. Уже одного того, что после битвы придется отдать ее прачке, было достаточно, чтобы подписать всем этим людям смертный при-

говор.

Ко мне бросился еще один солдат. Я лишь усмехнулась. Это была злобная усмешка нетерпеливого ожидания. О, с этим человеком я хорошенько позабавлюсь!

Я слизала остатки крови со своего клинка, несмотря на отвратительный вкус. Я хотела напугать этого солдата. Он должен будет дрожать передо мной!

Он приблизился с окровавленным кинжалом в руке. Этот кинжал был мне знаком. Этим самым оружием он убил моего брата. Презренный трус!

Он заплатит за то, что сделал. Страшно заплатит! Я хотела, чтобы он от страха наложил в штаны.

Но я сдерживала свой гнев. Если я разгневаюсь, то все закончится слишком быстро. Я же уготовила этому солдату медленную, жестокую и чрезвычайно мучительную смерть.

Подняв меч, я насладились каждой ноткой лязгающего звука, когда наши лезвия скрестились. Легко развернувшись, я поднырнула под мужчину и ударила его сзади под колени, повалив на землю. Выбив кинжал из его руки, я услышала, как ломаются его кости под моей ногой. Из моего рта вырвался злобный смех, когда он закричал от боли.

– Давай вставай! – рявкнула я.

Пока он легко отделался, а я жаждала унижения. Когда он не двинулся с места, я схватила его за плечи и позволила магии перетечь в мои руки. Он снова закричал, когда я обожгла ему кожу.

– Дерись как мужчина, а не как трус! – крикнула я ему, с удовлетворением отметив, что на этот раз он подчинился моему приказу и вытащил нож. Маленький стальной нож. Что за жалкое оружие! Я и сама бросила свой меч на землю. Теперь я сражусь с ним голыми руками.

Мы кружили друг подле друга, но я даже не утруждала себя напоминанием его стиля. В любом случае я была лучше него. Прыгнув вперед, я увернулась от ножа и выбила его из руки солдата. Слабак!

Я улыбнулась, когда он задрожал. Я буквально чувствовала его страх. О да, ему стоило меня бояться!

Молниеносным движением схватив его за запястья, я больно завернула ему руки за спину и вновь повалила его на землю. Солдат взвизгнул, и я пришла в восторг от этого звука, прежде чем связать ему руки закрепленной на моем поясе веревкой. Он попытался было вырваться и вновь оказаться на ногах, но я быстро вытащила два кинжала и пригвоздила его ноги к земле. Мужчина взревел от боли.

Медленно поднявшись на ноги, я обошла его со всех сторон. Достав свой лучший нож, я чуть присела перед ним и острием лезвия чуть приподняла его подбородок, чтобы он смотрел мне прямо в глаза.

– Я убил Леандера, – прошептала я, наклонившись очень близко к его уху. – Повторяй!

Он захныкал. Я воткнула нож ему в левое плечо.

– Повторяй!

– Я убил Леандера! – выкрикнул мужчина. Его отчаяние смердело. Постепенно он начал мне надоедать.

– Хорошо, – сказала я и снова вырвала нож из его плеча. Мое обманчивое спокойствие было особенно опасным. – Ты убил моего брата и заплатишь за это сполна. Я выцарапаю его имя на твоей коже, пока ты не будешь молить о пощаде так громко, как только сможешь. Я не остановлюсь, пока ты не откроешь мне имена и местонахождение всех, кого ты любишь. И вот тогда, когда я покончу с тобой, я убью их так же, как ты убил Леандера.

Мужчина посмотрел на меня, и что-то в его лице почти неуловимо изменилось.

– Только не это! – умоляюще промолвил он, прежде чем черты его лица стали другими, волосы оказались короче и светлее, а глаза поглубели. А затем, прибитый к земле кинжалами, с обожженными плечами, на поле боя сидел уже не вражеский солдат, а мой брат.

– Только не это! – снова прошептал Леандер, на этот раз своим собственным голосом.

– Нет! – выдохнула я, прежде чем отпрянуть. Споткнувшись о брошенный меч, некогда принадлежавший моему брату, я упала в лужу крови людей, которых только что зарезала. Я убивала их одного за другим – и наслаждалась этой резней. А теперь я как раз собиралась замучить до смерти своего брата. Своего собственного брата. Я была чудовищем, ни капли не лучше того трусливого солдата, кото-

рого только что пыталась.

Я проснулась не от своего крика, как обычно после кошмаров, а от какого-то отчаянного пыхтения. Казалось, я надолго затаила дыхание и лишь теперь могла более или менее вздохнуть. Сгорбившись, я сидела на койке, задыхаясь и пытаясь найти точку опоры. Все еще ловя ртом воздух, я вдруг нащупала крепкую руку, за которую теперь схватилась, продолжая тихо поскуливать. Передо мною появилось серьезное лицо.

– Дыши, – прошептал Люцифер. – Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Его голос задал мне верный ритм, и вскоре я достаточно успокоилась, чтобы оглядеться. Была ночь; в мой иллюминатор ярко светила луна.

Люцифер, склонившись надо мною, держал меня за руку. Отпустив его, я в шоке отстранилась. Я дрожала как осиновый лист, и впервые за долгое время меня обуял ледяной холод. Тем не менее все мое тело было покрыто пленкой пота.

– Я... я чудовище, – выдохнула я прерывистым голосом.

Я все еще чувствовала духоту, вдыхала запах крови убитых людей и слышала, как говорю все эти ужасные вещи о пытках и смерти солдату, убившему Леандера. Я вновь почувствовала ту пламенеющую во мне ненависть и жесто-

кость, когда ударила его ножом. Но хуже всего было измученное от боли, умоляющее лицо Леандера прямо перед тем, как я проснулась.

Солдат превратился в моего брата. А может быть, это все время был Леандер, а я, в своей ярости и жажде крови, просто этого не заметила.

Сухо всхлипнув, я вздрогнула, когда Люцифер снова взял меня за руку.

– Это был всего лишь сон, – заверил он меня.

– Ничего подобного! – зло крикнула я ему – и уже в следующий момент об этом пожалела. Но это действительно был не просто сон! Все казалось таким настоящим, таким ужасно реальным. А еще сны возникали в подсознании⁷, то есть я на самом деле *представляла себе*, как все это делаю. И если бы убийца Леандера был еще жив, возможно, я бы действительно учинила с ним такое. Я бы замучила его до смерти, как и представляла себе в березовой рощице около Белого дворца, перед тем как мой волшебный дар впервые вспыхнул во мне.

Я была жестоким чудовищем с холодным сердцем, ничем не лучше Авана.

Люцифер сел рядом со мной и нежно обнял меня. На этот раз я не отстранилась.

⁷ Хотя и к концу XVII века люди наверняка задумывались о природе снов, концепция подсознания, и в особенности его влияния на человеческие сны, была впервые сформулирована **Иммануилом Кантом** (1724–1804), а затем подробно разработана **Зигмундом Фрейдом** (1856–1939).

– Хочешь поговорить об этом? – тихо прошептал он мне на ухо. Я покачала головой, и мы замолчали.

И все-таки в какой-то момент я все ему рассказала. Я не стала упоминать все ужасные подробности, но совершенно точно объяснила, что чувствовала, когда истязала солдата. Я поведала Люциферу о гневе, ненависти и ужасающем удовлетворении от жалобного хныканья этого человека. Я рассказывала ему о том ужасном чудовище, которое во мне таилось.

Мы все в той или иной степени чудовища.

Так сказала Морган. И она была права. Я же была величайшим из всех чудовищ.

Люцифер молча слушал, и когда я закончила, он лишь вздохнул.

– Тара, – признался он, – мне снились тысячи таких снов, а некоторые из них были намного хуже.

Я моргнула. Этого я не знала.

– Такие сны ужасны, – продолжал он, – и я знаю, насколько виноватым себя после этого чувствуешь. Тем не менее они остаются лишь снами.

– Но ведь чтобы тебе приснилось что-либо настолько ужасное, ты сначала должен себе это представить! – вспыхнула я.

– Знаю, знаю, – примирительно поднял руки Люцифер. – Наше подсознание может быть чертовски жестоким, тут ты права, но это не имеет никакого значения, пока мы знаем,

что никогда не осуществим приснившееся на деле. Я знаю тебя и знаю, что ты время от времени страдаешь от вспышек гнева. Но я также знаю, что ты никогда не сможешь сделать что-либо по-настоящему жестокое. Всеми нами порой овладевает ужасная жажда мести, в особенности после войны, но у нас достаточно самообладания, чтобы не пытаться претворить мысли о мести в жизнь. Это и отличает нас от настоящих чудовищ.

И он очень серьезно посмотрел на меня.

– Тара, ты все еще человек, а убийца твоего брата мертв.

Я не осмелилась напомнить ему, что это я обезглавила этого убийцу еще на поле боя, а просто кивнула.

– Повтори! – велел Люсифер.

– Что именно?

– Повтори, что ты не чудовище. Пожалуйста.

Я посмотрела в его умоляющие черные глаза, а затем, пытаясь говорить ровным голосом, сказала:

– Я не чудовище.

Он удовлетворенно кивнул и поцеловал меня в волосы.

– А теперь спи, – велел он. – Я присмотрю за тобой и разбужу тебя, как только увижу первые признаки того, что тебе снова снится кошмар.

– Нет, возвращайся в свою каюту. Я не могу просить тебя больше не спать из-за меня.

Люсифер чуть приподнял бровь.

– Я всегда буду с тобой, помнишь? И меня не волнует,

буду ли я слишком мало спать сегодня или в любую другую ночь, когда тебя мучают кошмары. Я хочу, чтобы с тобой все было в порядке. Я останусь здесь.

Я знала, что теперь ничто не сможет изменить его мнение, а мое себялюбие и не собиралось его менять. Ничего не ответив, я просто залезла обратно под одеяло. Хотя на самом деле койка была слишком маленькой для нас двоих, Люцифер прижался ко мне и обнял меня своими сильными руками. Его лицо находилось всего в полудюйме от моего, и его дыхание касалось моих губ.

– Я что, кричала? – тихо спросила я.

Ведь он каким-то образом проснулся. Теперь я задавалась вопросом, не разбудила ли и других.

– Нет, – ответил Люцифер. – Ты была совершенно неподвижна, когда я вошел в твою каюту. На мгновение я даже подумал, что ты...

Ему не нужно было продолжать. Я и так знала, что он имел в виду.

– Тогда от чего ты проснулся?

– Понятия не имею. В какой-то момент я вдруг открыл глаза. Какое-то чувство дало мне знать, что с тобой что-то не так, – и большего, чтобы ворваться в твою каюту, мне было не нужно.

Странно. Я зевнула. Ладно, о внезапном пробуждении Люцифера я повнимательнее подумаю завтра. Теперь я почувствовала себя ужасно усталой. Я закрыла глаза, надеясь,

что Люцифер немедленно разбудит меня, если мне приснится еще один кошмар, – и с этой обнадеживающей мыслью наконец снова заснула.

Люцифер, жаворонок по своей натуре, любил рассветы даже больше закатов. Стоя на носу корабля, он как зачарованный смотрел на яркое солнце. Светило уже с раннего утра излучало волны тепла, когда, большое и пылающее, поднималось из воды, превращая небо и океан в целое море цвета. Похоже, даже в середине большого Ничто сегодня будет теплый летний день. На розово-оранжевом небе не было ни облачка.

Люцифер медленно отвернулся. Палуба оставалась пуста, если не считать Гордона; впрочем, капитан дремал, прислонившись к штурвалу, и его не заметил. Паруса были свернуты – и, вероятно, останутся свернутыми до конца дня. Ветер дул с северо-востока, настолько слабый, что Люцифер его почти не чувствовал.

Появления Тамары на палубе ждать наверняка оставалось уже недолго. Некоторое время назад он покинул ее каюту, чтобы полюбоваться восходом солнца – и чтобы ей было легче, когда она проснется. Возможно, она забыла о том, что произошло прошлой ночью. Даже если и нет – что, по его мнению, было куда вероятнее, – у нее, по крайней мере, по-

явится шанс собраться с мыслями, прежде чем выйти на воздух.

Люсифер достаточно хорошо знал свою подругу, чтобы предвидеть ее следующие шаги даже раньше ее самой. Она выйдет на палубу во всеоружии, и он будет биться с нею до тех пор, пока она не выпустит пар. Тамара была очень темпераментной и обычно реагировала на шок, страх или боль вспышками непредсказуемого гнева.

Он уже трижды переживал такие ее вспышки. В первый раз это произошло, когда Леннокс застал их вместе и она была потрясена, что теперь кто-то узнал их секрет и мог их разоблачить. После этого она попыталась напасть на Люсифера, и он провоцировал ее, пока она не успокоилась. Второй раз имел место незадолго до войны, когда она так боялась за него из-за пророчества, что исколола ножами деревья в дворцовом саду. А около двух месяцев назад, вскоре после смерти Леандера, гнев ее вспыхнул в третий раз, в буквальном смысле слова – и она спалила часть дворцового парка.

Что ж, после этого ужасного сна ее наверняка ожидала еще одна такая вспышка. Ему самому после войны снились подобные сны. Он бесконечно долго пытал всех тех солдат, которые ранили его самого или его друзей. Снова и снова он просыпался в холодном поту.

Он знал, что переживает сейчас Тамара, и все же сделал бы все от него зависящее, чтобы стереть с ее лица те страх и ненависть к самой себе, которые увидел на нем прошлой

ночью. Тогда он обнаружил Тамару полностью расклеившейся. Он чуть было даже не направил на нее свой душевный дар, чтобы заставить ее забыть этот сон – но сдержался. Это было бы ужасным вероломством с его стороны, и он надеялся, что она даже без применения магии что-то вынесла из его короткой речи.

В этот момент дверь под кормовой надстройкой распахнулась, и Тамара горделиво выступила наружу. У Люсифера на мгновение перехватило дыхание. Она была вся в черном, и такого наряда – перчаток с обрезанными кончиками пальцев, темных брюк и дорогих кожаных сапог – он никогда еще на ней не видел. Но особенно поразила его туника Тамары с длинными рукавами, столь разительно отличавшаяся от вещей, которые она обычно носила. Она была облегающей, с низким вырезом – и наверняка полна тайников и ловушек.

В последние два месяца Люсифер уделял особое внимание тому, чтобы Тамара достаточно ела – и она его, к счастью, слушалась. Стряпня Серафины, похоже, тоже пришлась ей по душе. Теперь тело ее больше не было таким худым, как раньше, а стало стройным и с потрясающими округлостями. И очень женственным.

В сознании Люсифера всплыло особое видение. Бал в Белом дворце... Тамара в самом красивом алом платье, которое он когда-либо видел... Он быстро отогнал воспоминание. Ему необходимо было сосредоточиться.

Тамара двинулась к нему; покачивание бедер подчеркивало каждый ее шаг. Черные кудри колыхались за ее спиной, словно волнистая ночь, и резко контрастировали с ее сияющими глазами. Глазами, в которые только он один мог смотреть, не будучи ослепленным. Глазами, исполненными сейчас пылающего гнева и жгучей боли.

Люсифер продал бы свою душу, чтобы унять эту боль, но сейчас ничем не мог ей помочь. Да и сама Тамара была уже не юной принцессой, которую он когда-то встретил, а по-настоящему взрослой женщиной. Королевой Света. Королевой, которая была еще слишком молода, но глаза которой выглядели чересчур взрослыми. И все же она противостояла своей боли.

Тамара обнажила меч, и рубины засверкали в лучах восходящего солнца. Люсифер отметил про себя каждую деталь ее костюма, пока она поднималась к нему по трапу на нос корабля. Прочная ткань одежды была усилена железом под мышками, а также на плечах, бедрах и запястьях. Кинжал сверкал в голенище ее сапога, и Люсифер был уверен, что и в вырезе, и в рукавах туники у нее спрятано дополнительное оружие. На поясе, низко обернутом вокруг ее талии, болтались ножны меча и висели несколько ножей.

При виде Тамары Люсифер испытал настоящее благоговение. Он не боялся ее, потому что знал, что она никогда не причинит ему вреда, как бы ни была зла и разгневана. Но будь он ее врагом... О, тогда у него не было бы ни еди-

ного шанса.

Он молча обнажил свой собственный меч. Потускневшее лезвие вспыхнуло. Безрадостная улыбка тронула уголки рта Тамары, когда она заняла боевую позицию. Она не стала утруждать себя объяснениями; он уже знал, зачем она здесь и почему он должен будет помочь ей выпустить пар, прежде чем она сожжет всю «Скарлетт» дотла. Биться с ней здесь и сейчас было наименьшим из всего того, что он был в состоянии сделать.

Она молниеносно метнулась вперед, и Люциферу едва удалось избежать ее выпада. Прежде чем она полностью оправилась от собственной атаки, он скрестил свой клинок с ее клинком. Раздался такой лязг, что Люцифера удивило, как он не разбудил никого на корабле. Тамара, отбросив его меч своим, снова пошла в атаку.

Их поединок превратился в танец – непредсказуемый, дикий танец. Танец, который могли вести только они вдвоем, ибо лишь они способны были биться на равных. Она использовала его личную тактику ведения боя, смешивая ее с элементами своей собственной тактики, чтобы не облегчать ему задачу. О да, она была разъярена, но сдерживала свой гнев. Тамара была умной, непредсказуемой и быстрой как молния. Если бы у него была возможность передохнуть, он наверняка гордился и восхищался бы ею – но она не давала ему такой возможности.

Развернувшись, Тамара сделала ложный выпад, который

он слишком поздно раскусил как отвлекающий маневр, и воткнула ему меч в левый бок. Точнее сказать, так бы оно и было, не останови она клинок в нескольких дюймах от его тела. Люцифер одобрительно кивнул, но Тамара не обратила на это внимания и немедленно перешла к следующей атаке. Что ж, если ты так ставишь вопрос, принцесса...

В мгновение ока Люцифер рванулся вперед, имитируя собственную атаку, а затем резко развернулся и отработанным движением выбил меч из ее руки. Лезвие еще не успело коснуться земли, а Тамара уже выхватила два изогнутых кинжала из закрепленных на спине ножен. Раньше их не было видно из-за ее длинных волос.

Когда Люцифер снова перешел в наступление, она скрестила кинжалы и с такой силой парировала его удар, что он отшатнулся и отступил на пару шагов. В следующий момент она превратилась в ураган из темной ткани и черных волос. Она атаковала сразу с двух направлений, и Люциферу пришлось применить все свое мастерство, чтобы защититься.

К тому времени, когда он наконец получил возможность вытащить один из своих любимых метательных ножей, она уже заметила его движение – и умело откатилась в сторону, чтобы вновь оказаться на безопасном расстоянии. Она знала, что он не собирался метать этот нож. Зачем зря кидать его в воду или втыкать в борт под релинг? Он никогда не бросил бы нож непосредственно в нее, хотя и знал, что она наверняка достаточно проворна, чтобы увернуться.

Так и продолжалось. Атака, защита, отступление. Вновь собраться с силами – и вновь атака, защита, имитация выпада, парирование, отвлечение...

В этом сражении не будет проигравших. Было время, когда Люцифер мог победить Тамару в честном поединке – но это было давно. Теперь она использовала его советы против него же самого, и победить ее больше не было никакой возможности. С другой стороны, он сам являлся лучшим бойцом своей страны. Тамара могла сражаться с ним на равных, но ей было его не победить. Теперь все дело заключалось в настойчивости и физической форме. К своему отчаянию, Люцифер вдруг обнаружил, что, несмотря на все тренировки, он запыхался и вспотел, в то время как Тамару, казалось, подпитывал неиссякаемый источник энергии.

Внезапно, однако, что-то в ней переменялось. Кожа ее еле заметно потемнела, чуть покраснев, а вены словно странно запульсировали. В ее глазах тоже появилось что-то дикое и пламенное. Прежде чем Люцифер успел выкрикнуть предупреждение, Тамара с грохотом уронила кинжалы на доски палубы и бросилась к релингу.

В следующий момент в ее руке появился огненный шар размером с плоску, красный и раскаленный. Сама Тамара не обожглась, но Люцифер был достаточно умен, чтобы не подходить слишком близко. Задышавшись, она с криком метнула шар в океан. Тот пролетел дальше, чем мог бы, брось его обычный человек, и с шипением испарился в воде.

Но этого было недостаточно. В руке Тамары уже вспыхнул новый шар, и его постигла та же участь, что и его предшественника. Шар за шаром исчезали в глубинах океана, пока Люсифер наконец не увидел, как руки Тамары задрожали, а красная пульсация в ее венах прекратилась. Она метнула последний шар в воду, на этот раз вполсилы – и Люсифер, не мешкая, поймал ее, когда она чуть не рухнула на палубу от слабости.

Он обнял ее и крепко прижал к себе, пока она отчаянно хваталась за него. Ее руки, пока еще пламенно горячие, чуть подпалили его тунику – но ему было все равно. Только бы она была в порядке!

– Все позади, – прошептал он, успокаивающе поглаживая ее по волосам. – Все позади.

Я не отпускала Люсифера, пока все мое тело не перестало трястись, а руки не охладились до нормальной температуры.

Итак, это снова произошло. У меня опять случилась одна из этих неконтролируемых вспышек гнева. На этот раз я дрались со своим другом, а еще один за другим метала в воду огненные шары. Что же, черт побери, со мной было не так? Эти внезапные проявления агрессии превращались в самую настоящую проблему.

– Я... мне очень жаль, – запинаясь, пробормотала я.

– Все в порядке. – Люсифер попытался скрыть свое беспокойство за робкой улыбкой, но я, конечно, все равно его заметила.

– Я пойду переоденусь, – решила я, расправляя плечи.

Если бы он и дальше смотрел на меня с такой жалостью во взгляде, я бы закричала. К счастью, он не стал меня удерживать. Я как можно грациознее спустилась по трапу и подошла к двери Зеленого зала.

Я повернула ручку двери – и застыла в ее проеме. Астра и Леннокс испуганно отшатнулись друг от друга. Неужели я действительно только что это увидела или же воображение сыграло со мной злую шутку? Неужели Астра только что сидела у Леннокса на коленях и жарко его целовала? Судя по их ярко-пунцовым лицам, мне это не привиделось.

Астра крепко выругалась, а Леннокс спросил без обиняков:

– Какого черта ты здесь делаешь?

– Я могла бы поинтересоваться у вас тем же самым, – уклончиво ответила я.

Мы несколько мгновений оценивающе глядели друг на друга, а затем Леннокс прищурился.

– Что это на тебе надето? – захотел он узнать. Несколько недель назад я купила особый наряд из черной ткани, кожи и железа, чтобы произвести впечатление на Люсифера, и сегодня надела его впервые.

– И почему от тебя так воняет? – сморщила нос Астра.

Вероятно, я еще пахла дымом от огненных шаров. Что ж, по крайней мере, после сегодняшних подвигов я знала, что рожденный мною огонь действительно может принять любую форму, какую я пожелаю.

Но Астра была права – мое лицо покрывали пот и копоть, так что зрелище было определенно не из приятных. Однако у меня больше не хватало сил на объяснения.

– Ваши *обжимания* не пойдут дальше меня, если вы забудете, что я сегодня была здесь, – требовательно заявила я.

Было ужасно шантажировать собственных друзей, но я действительно не хотела, чтобы кто-нибудь узнал о моей сегодняшней вспышке.

– Наши рты на замке, – ухмыльнулся Леннокс.

Большого мне было и не надо, чтобы отвернуться, не сказав ни слова, – и все же я чувствовала спиною их вопросительные взгляды, спускаясь в сторону своей каюты.

Вытащив из шкафа целую стопку свежей одежды, я проскользнула в ванную, чтобы помыться. Пока я нагревала воду в ванне маленькими огоньками голубого пламени, складывала в сторону оружие и стягивала с себя насквозь пропахшую одежду, меня никто не побеспокоил. Я осмотрела себя в большом зеркале, висевшем над умывальным тазиком. Волосы мои спутались, под глазами залегли темные тени, а кожа лоснилась от пота и копоты. Вздыхнув, я погрузилась в теплую воду и наблюдала, как отмокают волосы.

Мне нужно было научиться самообладанию: контролиро-

вать вспышки гнева, произвольное извержение огня и все такое прочее. Ради себя самой, но в особенности ради Люцифера. И вид его, и действия свидетельствовали о том, как сильно он обо мне беспокоился. Когда мне было плохо, он сразу же оказывался рядом и делал все, чтобы я почувствовала себя лучше.

Для него это было само собой разумеющимся, но я хотела подарить ему кое-что за его любящую заботу. Так что следующие полчаса я занималась тем, что отмывалась – и придумывала для него сюрприз.

Я вылезла из ванны только тогда, когда в дверь постучали и Кэл попросил меня его впустить. Пospешно вытершись, я надела свежую одежду, прежде чем открыть дверь. Бормоча извинения, он бросился мимо меня в туалет. Успев как раз вовремя затворить за собою дверь, я подавила ухмылку, прежде чем покачать головой и отправиться на поиски каюты Морган.

Я не очень помнила, кому какая дверь принадлежала, поэтому сначала зашла в пустую каюту Серафины, прежде чем наконец обнаружила дверь Морган. Когда я постучалась, ответом мне было сонное ворчание. Ухмыляясь, я проскользнула в дверь. Морган застонала и нахлобучила подушку на голову, когда я распахнула занавеску над ее иллюминатором.

– Давай вставай! – умоляюще воскликнула я. – Мне нужна твоя помощь!

Она отодвинула подушку и открыла один глаз.

– Что? – пробормотала она. – Где? Когда?..

– Мне нужно платье.

Морган, внезапно совершенно проснувшись, соскочила с кровати, сунула ноги в тапочки и затем распахнула двери своего огромного гардероба.

– А я уж думала, ты никогда не спросишь! – воскликнула она, сияя. Я не осмелилась напомнить ей, что она предложила мне свою помощь только вчера.

– По какому случаю тебе нужно платье? – спросила она, уперев руки в боки. – Мы что-то празднуем, а мне не сказали?

Рассмеявшись, я коротко рассказала ей о своей идее.

– Как это романтично! – восторженно пискнула Морган, прежде чем опытным взглядом окинуть меня сверху донизу. Она, казалось, запомнила каждый дюйм моего тела, прежде чем деловым тоном наконец осведомиться: – Как должно выглядеть платье?

– Определенно темных тонов, – ответила я. – Синее или черное, но не фиолетовое. И еще оно должно быть длинным, до самых ступней.

Морган кивнула, а затем снова повернулась к платяному шкафу. Пока она перевешивала туда-сюда вешалки и отсортировывала неподходящую одежду, я за ней наблюдала. На ней была все еще надета короткая ночная рубашка из светло-желтого шелка с кружевными оторочками. Одна

эта рубашка должна была стоять целое состояние! Она действительно заработала немало денег своими уличными выступлениями. Что ж, я никогда и не сомневалась в этом с тех самых пор, как впервые услышала ее небесной красоты пение.

Через некоторое время Морган наконец вытащила из шкафа подходящее платье. У меня буквально перехватило дыхание. Платье было таким темно-синим, что казалось почти черным. Верх его, выполненный из бархата и кружев, был прозрачен везде, кроме груди. Юбка же состояла из дюжин слоев тюля и шелка, тонко пришитых друг к другу и украшенных серебряными нитями и драгоценными камнями. Платье это было изумительно красивым и почти столь же сногсшибательным, как алое платье, в котором я была на коронационном балу у Тессы.

– Но это... – заикаясь, ошеломленно пробормотала я. – Это... это слишком дорого! Я не могу его надеть!

– Не только можешь, но и наденешь! – решительно возразила Морган. – Оно будет просто волшебно смотреться с твоей бледной кожей и темными волосами. Мне оно все равно не идет.

Я знала, что спорить больше не о чем, и смиренно подняла руки.

– Хорошо, я его примерю, – сказала я, раздеваясь до белья. Морган помогла мне влезть в платье и застегнула его на спине. Оно сидело как влитое, ведь мы с Морган имели

примерно один размер и телосложение – хотя, конечно, ее округлости были куда соблазнительнее.

Наконец я была одета. С первого взгляда я уже поняла, что надена именно это платье, а не какое-либо другое. Оно было самым совершенством. Верх плотно облегал мое тело, подчеркивая и грудь, и узкую талию. Бледная кожа просвечивала сквозь темно-синее кружево, а тонкие ляточки не были ни слишком длинными, ни слишком короткими.

Но еще эффектнее была пышная струящаяся юбка, казавшаяся нежной и удивительно легкой. Серебряные нити и кристаллы блестели в падающем солнечном свете, словно звезды в ночном небе. Да, это платье было и вправду абсолютно идеально.

Обычно я предпочитала брюки и туники, но, как и в случае с алым платьем, была совершенно покорена этим шедевром швейного искусства. В алом бальном платье я выглядела как живой рубин, а в этом платье – как Млечный Путь. Радостно хлопнув в ладоши, я обняла Морган.

– Спасибо! – ликующе воскликнула я. – Спасибо, спасибо, спасибо!

Морган восторженно улыбнулась, прежде чем помочь мне снять платье и убрать его обратно в шкаф.

– Сегодня вечером я помогу тебе снова его надеть – и, надеюсь, к тому времени найду обувь и украшения, которые к нему подойдут, – сказала она.

Я благодарно кивнула – и, снова одетая в зеленую туни-

ку и серые брюки, вышла из ее каюты, чтобы наконец отправиться позавтракать.

Глава 6

За эти дни у меня появилось что-то типа установленного дневного распорядка. После завтрака мы с Кэлом читали; после полудня я рисовала с Грейс, а по вечерам сидела в кают-компании вместе со всеми остальными. Мы ужинали, болтали о том о сем, а иногда я пела под музыку вместе с Морган, Кэлом и Уиллом.

Сегодня же я не легла спать около полуночи, как обычно, а дождалась, пока все уснут. Затем я тихонько проскользнула в каюту к Морган. Она все еще бодрствовала, но уже была одета в свою желтую ночную рубашку. Морган улыбнулась мне.

– Сегодня чудесная ночь! – поприветствовала она меня и показала на приготовленное Звездное платье, как я уже стала его про себя называть. Я разделась, и она во второй раз за сегодня помогла мне влезть в платье. Когда с этим было покончено, она начала расчесывать мои волосы, позволив им свободно ниспадать на спину. Вставленные в них маленькие серебряные гребешки предназначались только для украше-

ния.

Затем настал черед драгоценностей. Морган перебрала всевозможные шкатулки, пока наконец не нашла подходящее ожерелье и браслеты. Все они были сделаны из серебра и украшены звездчатыми бриллиантами.

– Я не могу такое надеть! – отказывалась было я. – Это слишком ценные вещи!

– Эти украшения принадлежали моей бабушке, и я уверена, что она хотела бы видеть их сегодня на тебе, – возразила Морган. – Это честь, от которой нельзя отказаться. Кроме того, бриллианты не подходят к моей комплекции.

Слегка улыбнувшись, я покорно кивнула. Удивительно, насколько быстро Морган прониклась ко мне доверием. Мало того, что она рассказала мне о своей юности – теперь она даже одолжила мне украшения своей покойной бабушки! Было ли ее доверие как-то связано с моим даром или она просто знала, что я никогда не разболтаю другим ее секреты и не присвою себе втайне ее украшения?

После того как я надела наконец ожерелье и браслеты, Морган чуть попрыскала духами мне на шею и запястья. Я хотела возразить, но было поздно – меня уже окутал аромат ванили и амбры. В последнюю очередь она припудрила мне щеки, чтобы те выглядели розовее. Мои ресницы были достаточно длинными и не нуждались в дополнительной туши, а краска или тени для век совершенно потерялись бы на фоне моих сияющих глаз.

– Готово! – наконец объявила Морган и чуть подтолкнула меня к зеркалу, перед которым я начала вертеться. Платье оказалось легким, удобным и совершенно восхитительным. Я действительно выглядела как ожившая звезда.

– Спасибо, – просияв, поблагодарила я Морган и поцеловала ее в щеку. Прежде чем я смогла выйти за дверь, она удержала меня за руку.

– Вот, – сказала она, протягивая мне бутылку, которую достала из-под ковра, чуть отодвинув в сторону неплотно прилежавшую доску. Внизу сверкнули еще несколько стеклянных бутылок.

Вино. Дорогое вино.

– У тебя есть тайник с алкоголем? – засмеялась я.

Морган предупреждающе приложила палец к губам:

– Если ты привыкла к хорошему питью, то понимаешь, что ром Гордона отвратителен. Поэтому перед каждой поездкой я пополняю свой секретный запас вина. Кроме тебя и Кэла, об этом никто не знает.

В ее глазах вспыхнули озорные огоньки, и я опять не смогла не рассмеяться:

– Ты действительно потрясающая, Морган!

Та достала еще два бокала и протянула мне:

– Что такое свидание без настоящего алкоголя?

Усмехнувшись, я снова поблагодарила ее, прежде чем взять бутылку и бокалы и наконец выйти за дверь.

Затем я прокралась в каюту Люсифера, тихонько постуча-

ла – и, не дожидаясь ответа, вошла внутрь. Люцифер лежал без сна в постели, глядя на меня широко раскрытыми глазами. На нем были только короткие штаны без рубахи, и я не могла не скользнуть взглядом по его стальным мускулам.

– Одевайся! Встретимся на палубе! – велела я и без дальнейших объяснений закрыла дверь.

Затем я направилась в кают-компанию и позаимствовала оттуда пару подушек и одеял из оконных ниш. После этого я вышла на палубу и поднялась со всей утварью по трапу на кормовую надстройку. Устроив там из подушек и одеял уютное гнездышко, я разлила кроваво-красное вино в бокалы, одолженные мне Морган. Наконец, утонув в подушках, я принялась ждать.

Вскоре Люцифер наконец поднялся ко мне на палубу. Я чувствовала, как его взгляд скользит по моему лицу, по декольте, а затем и по струящейся юбке, а сама тем временем смотрела на него. После того как я посетила его каюту в шикарном платье, он тоже принарядился. На нем была темно-синяя рубаха и деревянная цепочка с резным луком, которую я когда-то ему подарила, а также дорогие черные брюки и начищенные до блеска кожаные ботинки. Я одобрителем кивнула.

– И что это должно означать? – спросил он, сверкнув глазами.

– Сюрприз! – с тихой улыбкой ответила я и похлопала по подушке рядом с собою.

Люсифер опустил на нее:

– Есть какой-то особый повод?

– Я подумала, что нам стоит провести ночь под звездами, как в старые добрые времена. – Время от времени мы с Люсифером ночевали под открытым небом на скалах Сатандры.

Люсифер слегка улыбнулся и наклонился, чтобы поцеловать меня, – а затем чуть потянул носом:

– Я даже и не знал, что ты пользуешься духами.

– Я и сама не знала, – лукаво усмехнулась я, а затем поведала ему, как попросила Морган о помощи, как та одолжила мне платье и украшения и обещала проследить за тем, чтобы никто не выходил на палубу до рассвета. Ее тайник с алко-голем остался моим маленьким секретом.

Когда я закончила, Люсифер усмехнулся, и его белые зубы сверкнули в темноте.

– И чем я заслужил такой замечательный сюрприз?

– Я думала, ты это и сам уже знаешь, – нахмурилась я. – Я знаю, что ты принимаешь это как должное, но мне хотелось бы отблагодарить тебя за все, что ты для меня в последнее время делаешь. За это путешествие – и за то, что ты был со мной вчера и сегодня утром. Я...

Я поглядела на него – и поняла, что могу дальше не продолжать. Он меня уже понял – и, к счастью, не стал объяснять, что мне не нужно было готовить для него такой сюрприз. Обязательно нужно было! Для него. И для самой себя.

Люсифер поднял свой бокал, и в нем заплескалась руби-

новая жидкость.

– Ну что ж, тогда за старые добрые времена! – произнес он тост, и мы сдвинули бокалы, прежде чем сделать первый глоток. Только затем я наконец откинулась назад и посмотрела на звезды. О Богиня, как же их было много! Слишком много, чтобы их пересчитать, – и все равно недостаточно.

Я улыбнулась, когда Люцифер лег на спину рядом со мной и тоже посмотрел на звездный полог. Да, теперь я чувствовала себя почти так же, как и раньше. Нет, даже лучше, чем раньше. Благодаря легкому покачиванию «Скарлетт», редко-му поскрипыванию мачт и мягкому шуму волн этот момент стал еще прекраснее.

Я принялась искать известные мне созвездия – и нашла заодно много новых. Здесь, посреди океана, небо выглядело намного шире и бесконечнее, нежели на суше. Звезды сверкали, словно бриллианты на ожерелье вокруг моей шеи или драгоценные камни на угольно-черном бархате.

Я представила себе, каково это – плыть между ними, самой превратиться в звезду и смотреть на океан сверху. Наш корабль казался бы тогда всего лишь крошечным пятном на ландшафте, не больше блохи. Эта мысль была на удивление успокаивающей. По сравнению со звездами даже Люцифер и я, самые могущественные люди в мире, были крошечными, незначительными пылинками в пространстве и времени.

О да, я хотела бы стать звездой. Сияющей, бесконечной.

Свободной.

Интересно, насколько большие эти звезды? Они должны быть огромными, чтобы птицы не могли до них долететь, а нам удавалось видеть их без подзорной трубы. А еще их было так много! Как же им удавалось пребывать в воздухе неподвижными? Неужели они просто плыли в воздухе или же у них были крылья?

А на чем стоял наш собственный мир? Был ли у него край, и если да, то чего можно было ожидать за этим краем? Или он тоже был звездой, плывущей в ночи? Наверняка нет, ведь океан не светился. К тому же звезды казались круглыми, а наш мир не мог быть круглым, иначе мы все бы с него падали.

И все же у меня было очень много вопросов – по одному на каждую звезду. Я улыбнулась при мысли, что однажды узнаю на них ответы.

Я почувствовала на себе пристальный взгляд Люсифера, и моя улыбка стала еще немного шире.

– Что, милый? – спросил я, не сводя глаз с черного как ночь небосвода.

Люсифер чуть приподнялся на локтях рядом со мной:

– Я просто подумал, что ты самая красивая звезда из всех.

– Рада слышать, что ты по-прежнему такой же бесстыдный чаровник, – ответила я с усмешкой и наконец посмотрела на него. Его взгляд был совершенно серьезным. Серьезным, мягким и любящим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.